

**КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡**

С. И. ВАХРИН

МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР

Часть I

ЦАРСКОЕ СЕМЯ

Санкт-Петербург
Свое издательство
2017

УДК 929(093)
ББК 63.3(2Камч)
В22

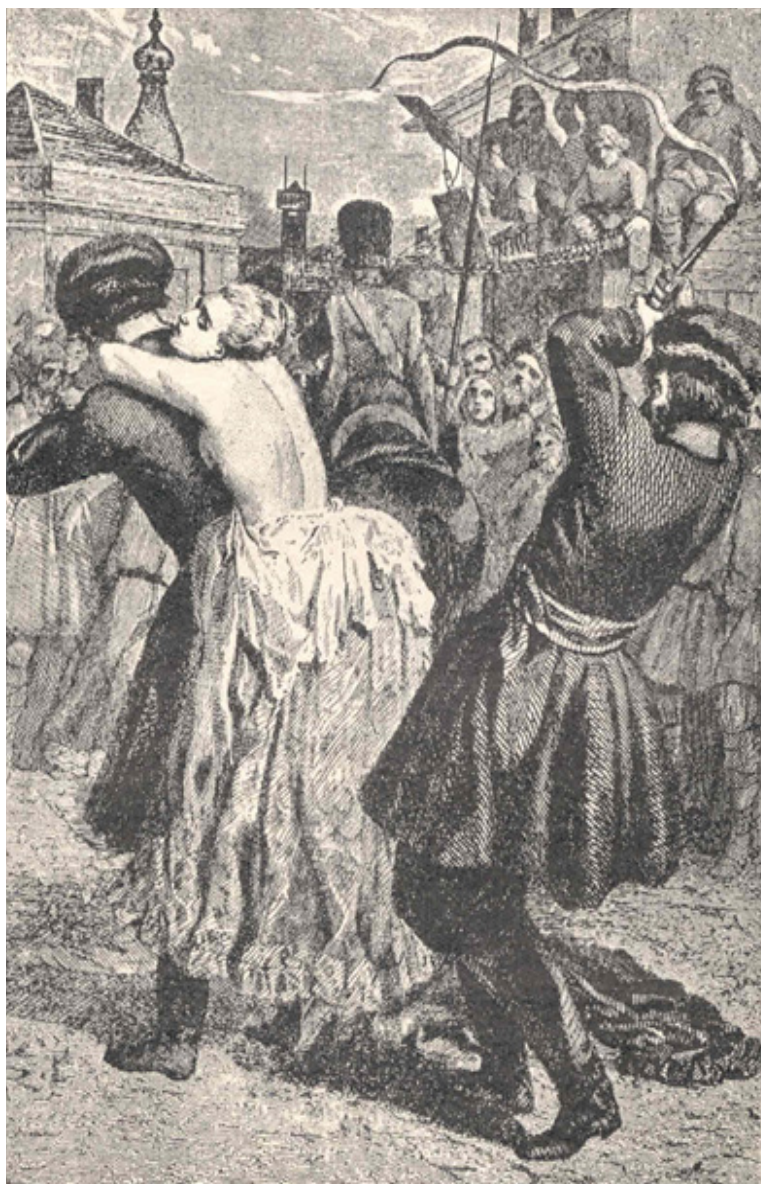
Вахрин Сергей Иванович

В22

Масонский заговор : часть первая. Царское семя. — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. — 124 с. (Серия «Камчатские ссыльные. Тайная история России»).

ISBN 978-5-4386-1363-3

© Вахрин С. И., 2017
© Свое издательство, 2017

В одном из исследований по истории масонства в России читаем: *«Масоны-аристократы к концу 70-х годов (XIX века — С. В.) качнулись резко вправо, включившись в дотоле неизвестное в России движение и создав тайную, глубоко законспирированную антиреволюционную организацию “Священная дружина”, передавая туда весь свой опыт работы в подполье. Изверившись в способности жандармов и полиции уничтожить радикалов и левых террористов законным путем, члены “Священной дружины” объявили радикалам войну вплоть до террора. На руководящих постах в “Дружине” было много потомственных масонов — “от дедов”. Так, ее ЦК возглавлял граф Воронцов-Дашков, петербургский совет — Шувалов, а московский — князь Долгорукий.*

Эти люди были весьма недовольны и либеральной политикой царя Александра II, освободившего крестьян, давшего много прав либералам из земств и ограничившего судебный произвол, введя суд присяжных. Пик недовольства царем пришелся на начало весны 1881 г., когда Александр II решил опубликовать конституцию, вводящую в стране конституционно-монархический строй. К убийству царя стремились и левые радикалы из “Народной воли”, и махровые реакционеры из “Священной дружины”.

Странно и таинственно совместились вдруг интересы и правых, и левых, еще недавно совместно работавших в масонском подполье. 1 марта 1881 г. Исполком “Народной воли” бросает лучшую группу на убийство царя-освободителя, первого и единственного царя-либерала на российском престоле, а кто-то услужливо убирает охрану — эскорт царя и настойчиво советует ему ехать на развод гвардейцев в Манеже. На обратном пути царь будет убит. Много таинственного и непонятного в этом убийстве. Полиция имела обширную информацию о подготовке покушения как от уже

арестованных народовольцев, так и от провокаторов Окладского и Дегаева. Последний — бывший офицер и по некоторым данным масон — был членом Исполкома “Народной воли”. Тем не менее, массовые аресты полиция начала только после покушения».

Мы еще вернемся к этому национальному позору, который и к нашей истории камчатской ссылки имеет самое непосредственное отношение.

Масонство в России, по неподтвержденному документально мнению многих историков, было заложено, как мина замедленного действия, царем Петром. Так это или нет, неизвестно — документальных подтверждений этому нет.

Но масоны на своих сходках исполняли «Песнь Петру Великому», написанную Г. Державиным, которая стала их гимном:

Рокотов Ф. С. Император Петр Великий

Россия, в славу облеченна,
Куда свой взор ни обратит,
Везде, весельем восхищенна,
Везде труды Петровы зрит.

Неси на небо гласы, ветер:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Он, древний мрак наш побеждая,
Науки в полночь водворил;
Во тьме светильник возжигая,
И в нас благие нравы влил.

Неси на небо гласы, ветер:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Как Бог, великим провиденьем
Он все собою озирал;
Как раб, неслышанным раченьем
Он все собою исполнял.

Неси на небо гласы, ветер:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Прошел землями и морями.
Учился сам, чтоб нас учить;
Искал беседовать с царями,
Чтоб после всех их удивить.

Неси на небо гласы, ветер:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Ко скипетру рожденны руки
На труд несродный простирал;

Звучат донесъ по свету звуки,
Как он секирой ударял.

Неси на небо гласы, ветер:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Его младенчески забавы
Родили громы, наконец;
А посреди военной славы
Он был отечества отец.

Неси на небо гласы, ветер:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Лучи величества скрывая,
Простым он воином служил;
Вождей искусству научая,
Он сам полки на брань водил.

Неси на небо гласы, ветер:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Вселенну храбрость устрашала,
Как он противных поражал;
Вселенну милость утешала,
Как он плененных угощал.

Неси на небо гласы, ветер:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Владыка будучи полсвета,
Герой в полях и на морях,
Не презирал давать отчета
Своим рабам в своих делах.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Венцы, триумфы, колесницы
Не для себя он учреждал:
Отличность, блески багряницы
Заслуг в награде полагал.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Был в вере тверд и ей послушен;
Певец он сам был алтарей;
Средь зол, средь благ великодушен,
Нелестный друг своих друзей.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Монархам возвращал короны,
Законы подданным писал;
Что должны делать миллионы,
Собой всем образ подавал.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Чрез горы проточил он воды,
На благах грады насадил:
Довольство ввел в свои народы,
С Востоком Запад съединил.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Он, истины любя уставы,
Хранил неллицемерный суд;
Поднесь его полезны нравы
Ко благоденствию ведут.

Неси на небо гласы, ветер:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Поднесь вселенну изумляет
Величие его чудес;
Премудрых ум не постигает,
Не Бог ли в нем сходил с небес?

Неси на небо гласы, ветер:
Бессмертен ты, Великий Петр!

О россы, славой лучезарны!
О род героев и собор!
Петру вы будьте благодарны,
Да ввек Петру гремит наш хор!

Неси на небо гласы, ветер:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Оно и понятно — в своей разрушительной антиправославной безбожной ярости царь Петр не брезговал ничем: он организовал даже шутовской орден — «Всешутейший, Всепьянейший и Сумасброднейший Собор», который существовал на протяжении всего его царствования.

«Всепьянейший же собор был не просто компашкой... Это была многолетняя игра со своими правилами и законами. Если “потешные” баталии незаметно переросли в военные походы и отмерли (ничего себе отмерли — превратились в Семеновский и Преображенский гвардейские

полки — С. В.), то Всепьянейший собор сохранялся до самой смерти царя Петра.

В этом клубе Петр тоже имел скромный чин — дьякона, а главой его сделался Никита Зотов — “Всешумнейший и всешутейший отец Иоаникит, пресбургский, кокуйский и всеяузский патриарх”, называемый еще “князь-папой”.

Собор был своего рода “общественной организацией” и имел даже свой устав. Этот устав написал лично Пётр, и читатель не ошибется, предположив — это был очень длинный и невероятно подробный документ. В уставе подробнейшим образом определены чины Собора и способы избрания “князь-папы” и рукоположения всех чинов пьяной иерархии. Да, рукоположения! Собор полностью воспроизводил всю церковную иерархию и все церковные обряды.

Главное требование устава было просто: “быть пьяным во все дни и не ложиться трезвым спать никогда”. Ну и требование подчиняться иерархии собора — его 12 кардиналам, епископам, архимандритам, иереям, диаконам, протодиаконам. Все они носили клички, “которые никогда, ни при каком цензурном уставе не появятся в печати” (Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 2).

Были и “всешутейшие матери-архиерейши и изуменьи”. Все облачения всех чинов, все молитвословия и песнопения, весь порядок “службы Бахусу и Ивашке Хмельницкому” и “честного обхождения с крепкими напитками” прописывались самым подробным образом.

Паскудства, творимые Петром и его сподвижниками, вполне подобны всему, что выделявали члены “Союза воинствующих безбожников” в 1920-е годы. И с черепами на палках бегали, и матом орали в церкви, и блевали на алтарь...»

«Во главе веселой компании пребывали “князь-папа”, он же “патриарх” и “князь-кесарь”. Сам же его венценосный

юморист формально пребывал на задворках, числясь “протодиакonom Петром Михайловым”.

“Князем-кесарем” изначально был поставлен могущественный царедворец князь Федор Юрьевич Ромодановский. Петр звал его также “королем” и “пресветлым царским величеством”, себя именовал “холопом и последним рабом” князя, в конце своих писем к нему подписывался Pieter или “Петрушка Алексеев”, а в потешных церемониях целовал ему руку. После смерти шутовского монарха в сентябре 1717 года титул “кесаря” перешел к его сыну Ивану Федоровичу.

Если “князей-цесарей” Петр I назначал единолично, то шутовских “патриархов” избирали всем “собором”. Первым “князем-папой”, или “патриархом Московским, Кокуйским и всея Яузы”, был окольный Матвей Филимонович Нарышкин, двоюродный дед царя. Довольно скоро его сменил Никита Моисеевич Зотов — некогда учитель юного Петра, а впоследствии глава его ближней походной канцелярии. После смерти Зотова “папский” трон в декабре 1717 года занял Петр Иванович Бутурлин, который до того 11 лет играл роль “всешутейшего и всепьянейшего митрополита Санкт-Петербургского, Ижорского, Кроншлотского, Ингерманландского”. К Бутурлину перешел не только потешный пост Зотова, но и его вдова, с которой новый “князь-папа”, тоже овдовев, обвенчался по настоянию государя в 1721 году» (А. М. Буровский. Петр Окаянный. Палач на троне. М., 2013).

«Состав Всешутейшего собора был достаточно постоянным и фиксировался в списках (всегда неполных, но достаточно больших). Из них видно, что наряду с ничем не примечательными личностями среди членов Собора были такие государственные деятели, как Г. И. Головкин, Т. Н. Стрешнев, И. А. Мусин-Пушкин, Ф. М. Апраксин. Члены Собора имели постоянную службу и штат

профессиональных смехачей — “грозных заик 12 человек, папиных подбъяков плешивых 12 человек, весны 24 человека”, также приглашали певчих, музыкантов (с бубнами и другими скоморошьими инструментами), шутов, “дураков” и лиц, изображавших Бахуса. Членство в Соборе порой было насильным, особенно это касалось представитель старой знати, подвергавшихся в нём унижениям. Все покорялось своеобразному чувству юмора царя. У членов Собора были особые одеяния, которые “представляли собой пародию на облачения священнослужителей: к примеру, вместо архиерейской панагии они носили флягу, а на митре ‘князя-папы’ был изображен Бахус”.

Особыми членами “собора” были женщины. Иерархия среди них была такой: высшим титулом был “княжна-игуменья”, до 1717 года ею бессменно была Дарья Гавриловна Ржевская, а потом Анастасия Петровна Голицына. Все женщины были представителями самых древних аристократических родов. Затем шли “архиигуменьи”, в их разряд перешла Ржевская, оставив прежнюю должность, далее шли “игуменьи”, “диаконисы” и “монахуйни” (“монахини”). Помимо этого, к участию в соборных действиях привлекались жёны “служителей Бахуса”».

Цель этого шутовского собора была более чем конкретной — разрушение традиционных религиозных православных основ в особой — извращенной — форме, связанной с пьянством и развратом.

Петр Первый, по некоторым предположениям, вступил за границей в масонскую ложу, а его братьями по ложе были Франц Лефорт и Патрик Гордон.

Вряд ли это правда, так как при той системе принуждения, которая существовала при Петре, масонами стали бы все члены правительственной верхушки России. Но этого не произошло.

Впрочем, не спешим ли мы делать скороспелые выводы?

В «Записках князя Петра Долгорукова» есть интереснейший документ — о представителях первых четырех классов «Табеля о рангах», которых Петр I использовал *«...как силу, способную уничтожить влияние старой русской знати, враждебной в своем большинстве реформам грозного императора, — реформам, проводимым с жестокостью, но столь необходимым и полезным...»*

...Даже при беглом просмотре этого списка легко убедиться в немалой значимости социальных реформ, проведенных крепкой рукой умного императора Петра I: имена новых людей, немцев, иностранцев образуют значительную часть этого списка. Лифляндский и иностранный элемент занимают ПЯТУЮ (выделено мной — С. В.) часть высших гражданских чинов, ТРЕТЬ (выделено мной — С. В.) — в армии и две трети — на флоте. Надобно признать, что еще за сорок лет до того никто не мог предвидеть прихода на высокие государственные должности столь ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО (выделено мной — С. В.) контингента, и одно это доказывает, сколь глубокие корни пустили преобразования Петра I на русской почве».

Не будем спорить с представителем старой русской знати, корни рода которого простираются до времен Рюрика, охватывая все пласты истории Древней и Средневековой Руси. Мы, люди другого времени, знаем, что подобное произошло и в начале двадцатого столетия после Февральской и Октябрьской революций, когда национальный русский государственный контингент почти полностью поменялся на интернациональный, а национальная элита была практически вся уничтожена в годы гражданской войны и политических репрессий.

Итак, кто же стоял во главе национальной политической элиты 1730 года, когда еще тело скоропостижно скончавшегося не без чьей-то активной помощи императора Петра II не успело остыть.

Итак:

«Канцлер империи: граф Гавриила Иванович Головкин, президент Коллегии иностранных дел, член Верховного тайного совета.

Фельдмаршалы действительной службы: князь Михаил Михайлович Голицын-старший; князь Василий Владимирович Долгоруков; князь Иван Юрьевич Трубецкой.

Фельдмаршалы в отставке: Ян Сапега, поляк (вернувшийся к тому времени в Польшу); граф Яков Виллимович Брюс, из семьи шотландских изгнанников, приверженцев якобитов (масонов — С. В.).

Канцлер империи Гавриил Иванович Головкин

Граф Яков Виллимович Брюс

Генерал-анишефы: Иоганн-Бернгард Вейсбах, позднее — граф, из семьи богемских выходцев; Герман-Иоганн фон Бон, немец; Петр Петрович Ласси, генерал-губернатор балтийских губерний, позднее — фельдмаршал и граф, осужденный на изгнание из Ирландии за приверженность к якобитам; Михаил Афанасьевич Матюшкин, двоюродный племянник царя Алексея; граф Миних, родом из Ольденбурга, генерал-фельдцейхмейстер, генерал-директор <...>, генерал-губернатор Петербурга, вице-президент Военной коллегии <...>; Даниил Павлович Апостол, гетман Малороссии; Язужинский, обер-щталмейстер, а позднее граф, польского происхождения; князь Иван Алексеевич Долгоруков, обер-камергер.

**Генерал-аншеф, лишенный чина и сосланный в деревню:
Иван Иванович Бутурлин.**

Адмиралы: Петр Иванович фон Сиверс, вице-президент <...> Адмиралтейств-коллегии, бывший офицер датского морского флота, из Голишинской семьи; Томас Гордон, шотландец, из семьи изгнанников-якобитов, племянник того самого генерала Патрика Гордона, который разбил и уничтожил стрельцов.

Действительные тайные советники: граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин; князь Василий Лукич Долгоруков; князь Дмитрий Михайлович Голицын; барон, затем граф Андрей Иванович Остерман, выходец из Вестфалии, вице-канцлер, вице-президент Коллегии иностранных дел, обер-гофмейстер Петра II, а также и двух предыдущих правителей, член Верховного тайного совета; князь Иван

Федорович Ромодановский; граф Александр Гаврилович Головкин, посланник в Гааге, и еще двое князей Долгоруковых, членов Верховного тайного совета: Алексей Григорьевич и Михаил Владимирович.

Генерал-лейтенанты: Григорий Петрович Чернышев, позднее — граф; Иван Михайлович Головин; Федор Гаврилович Чекин; Штафф, немец; Иван Яковлевич Дюпре, француз; Михаил Яковлевич Волков; Вильгельм Виллимович ван Делден, голландец; Иван Ильич Дмитриев-Мамонов, сенатор; Андрей Иванович Ушаков, позднее — граф; князь Григорий Дмитриевич Юсупов, сенатор; Семен Андреевич Салтыков, сенатор, позднее — граф; князь Егор Юрьевич Трубецкой; Иван Михайлович Лихарев; Василий Яковлевич Левашов; Федор Николаевич Балк; Кристоф Урбанович, поляк; де Кулон, француз; Александр Иванович Румянцев, позднее — граф; барон фон Шверин, мекленбургец; Петр Богданович Лефорт, швейцарец, племянник знаменитого фаворита Петра I и кузен Саксонского и Польского посла в России; Вильгельм Геннин, голландец; Владимир Петрович Шереметев; Семен Григорьевич Нарышкин; граф Оттон-Густав Дуглас, швед из семьи шотландского происхождения (позже выслан из страны — С. В.); князь Семен Федорович Мещерский и грузинский царевич Бакар, старший сын царя Вахтанга.

...Тайные советники (в алфавитном порядке): граф фон Бассевич, первый министр герцога Голишинского; Петр-Михайлович Бестужев-Рюмин, позднее — граф; граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, иллириец; два брата, князья Долгоруковы: Сергей Григорьевич и Иван Григорьевич; два князя Голицына: Михаил Михайлович-младший, сенатор и его племянник Сергей Дмитриевич, посланник в Берлине; граф Иван Гаврилович Головкин; Алексей Васильевич Макаров, Федор Васильевич Наумов, сенатор; Иван Никифорович Плещеев; Алексей Львович

Плещеев, московский губернатор; Рацки, поляк, посланник России в Митаве; Василий Петрович Степанов, секретарь Верховного тайного совета и в этом звании — очень важное лицо; Дмитрий Андреевич Шепелев, гофмейстер; князь Алексей Михайлович Черкасский, сенатор.

...Действительные статские советники (в алфавитном порядке): Павел Федорович Балк-Полев; Алексей Петрович Баскаков; оба брата Бестужевы-Рюмины, позднее графы: Михаил Петрович, посланник в Варшаве и в Дрездене, и Алексей, посланник в Копенгагене, позднее — канцлер; Алексей Юрьевич Бибииков; оба брата Блюментроста (отец которых, немец по происхождению, был личным врачом царя Алексея, царя Федора, царевны Софьи и царя Петра I); Иоган-Готлиб <...> и Лауренс <...>; Беттихер, немец, посланник России в Гамбурге; Александр Бредихин; Иван Иванович Бутурлин, сенатор; Петр Вельяминов-Зернов; Матвей Федорович Воейков, прокурор Сената и генерал-рекетмейстер; князь Алексей Дмитриевич Голицын; князь Михаил Гаврилович Головкин; барон фон Габихшталь, обер-церемонимейстер, бывший посланник Мекленбурга-Шверина в России, немец, из семьи швейцарского происхождения; Алексей Дашков; Василий Афанасьевич Дмитриев-Мамонов; Ергольский; Алексей Зыбин; Илья Исаевич Исаев; Иван Колтовский; Иван Иванович Кропотков; князь Александр Борисович Куракин, посланник в Париже; Людвик Ланчинский, поляк, русский посланник в Вене; граф Рейнгольд фон Левенвольде, лифляндец; граф Платон Иванович Мусин-Пушкин; Василий Яковлевич Новосильцев, сенатор; Карл фон Принзенстверна, вице-президент <...> Камер-коллегии, швед; Михаил Алексеевич Салтыков; Сергей Секиотов; барон Александр Григорьевич Строганов; Михаил Андреевич Сухотин, президент Вотчинной коллегии; Фик, немец, президент Юстиц-коллегии; Иван Антонович Черкасов, позднее — барон; барон

Петр Павлович Шафиров; Иван Петрович Шереметев; князь Иван Андреевич Щербатов, посланник в Мадриде.

Действительный статский советник в отставке Матвей Дмитриевич Олсуфьев».

Это полный список первых лиц империи на 1730 год.

1730 год — это год, когда Россия, неожиданно для самой себя, оказалась на историческом перепутье, и ей нужно было сделать свой выбор для пути в собственное будущее. **«Среди наших соотечественников, — пишет П. В. Долгоруков, — за абсолютную власть выступало незначительное число семей, связанных с герцогиней Курляндской: Салтыковы, Трубецкие, Головкины, старый князь Ромодановский; остальные же русские были обуреваемы жаждой свободы...».**

Политическим инженером новой конструкции российской монархии выступал Генрих Фик, помощник якобита на русской службе, единомышленника масона Кейта — Якова Брюса, который занимал официальное государственное место во второй строчке «Табели о рангах» Российской империи. По оценке Готлиба, составившего первый биографический словарь русских вельмож, **«Фик был не больше, чем заурядный шпион».** Кстати, рекомендовал его сын аптекаря, специалист по ядам, генерал Вейде — истинный убийца царевича Алексея Петровича, по версии князя П. В. Долгорукова. Им же был ранее сконструирован по шведской модели Верховный тайный совет, ограничивающий самодержавную власть русского монарха:

«Идея Верховного Тайного Совета — идея масонская, а автор этого учреждения Фик, свободный мыслитель в религиозных вопросах, рационалист и материалист. После революции в Швеции в 1720 года, подготовленной масонами, которая покончила со шведским самодержавием, в качестве государственного реформатора России выступает Фик. Он указывает Петру преимущество конституционного устройства и рекомендует ввести его

в России. В одном из своих донесений Фик советовал учредить несколько “высших инстанций”, между которыми следовало распределить “выполнение” распоряжений, вытекающих из царской прерогативы. После смерти Петра Фик стал действовать смелее, и, несомненно, при его участии была учреждена такая высшая инстанция — Верховный Тайный Совет, учреждение которого иностранцы единодушно считали “первым шагом к изменению формы правления по образцу Англии и Швеции”. “Екатерина, — говорит Ключевский, — процарствовала слишком два года благополучно и даже весело, мало занимаясь делами, которые плохо понимала, вела беспорядочную жизнь, привыкнув, несмотря на свою болезненную полноту, засиживаться до пяти часов утра на пирушках среди близких людей, распустила управление, в котором, по словам одного посла, все думают лишь о том, как бы украсть, и в последний год жизни истратила на свои прихоти до шести с половиной миллиона рублей на наши деньги...”» (Иванов В. Ф. Русская интеллигенция и масонство. От Петра Первого до наших дней. М., 2008).

В этот период масонство начинает пускать свои корни в России как тайная шпионская организация, точнее, как тайные шпионские организации, обслуживающие интересы разных европейских держав — Швеции, Англии, Пруссии, Австрии, Франции, многие главы которых сами возглавляли это «тайное и явное» антихристианское движение, направленное на разрушение сначала католической, а впоследствии и православной церкви, являющихся по существу государствообразующей идеологией. Разрушая церковь, масоны разрушали государства, захватывая в них власть. Так было в Швеции, так было в Англии, а затем во Франции.

Конфликт между «птенцами» произошел сразу же после их победы: посадив на трон Мавру Скавронскую, они не смогли договориться насчет ее преемника. Казалось бы,

для всех них было очевидно, что, будучи убийцами законного наследника трона, царевича Алексея Петровича, они подпишут себе смертный приговор, если возведут на российский трон его сына — внука царя Петра I Петра II Алексеевича, который обязательно отомстит за смерть своего ни в чем не повинного отца.

Но дядей юного Петра Алексеевича был сам император Священной Римской империи (то есть Австрии) Карл VI, женатый на старшей сестре Шарлотты Брауншвейгской, матери царевича.

И вот тогда неожиданно для многих «птенцов» образовалась при дворе «австрийская партия», которую возглавил... светлейший князь Александр Данилович Меншиков. Случай, конечно, парадоксальный, но не единственный в этой истории: завещание о наследнике Петре Алексеевиче, составленное по приказу императрицы Екатерины I, подписала от ее имени родная дочь Петра I, царевна Елизавета Петровна (которую противники царевича Петра рассматривали как его политическую альтернативу).

Александра Даниловича банально купили, подарив ему герцогство Козельское в Силезии и пообещав, что Петр Алексеевич обязательно женится на дочери светлейшего князя и таким образом создаст новую царствующую династию России Романовых-Меншиковых. А уж убеждать бывшую свою наложницу — императрицу Екатерину — светлейший умел... Она и пикнуть против него не посмела. А тот, кто «пикнул» из «птенцов», оказался на самой дальней восточной окраине России, без чинов, наград и имущества...

Как пишет О. Платонов, *«одним из первых известных российских масонов стал крещеный еврей П. П. Шафиров (умер в 1739 году), занимавший при Анне Иоанновне высший пост президента Иностранной Коллегии, то есть главы внешнеполитического ведомства».*

Петр Павлович Шафиров

И для этого были причины — его родственник, крещеный смоленский еврей Веселовский Абраам Павлович по протекции вице-канцлера барона Шафирова (двоюродного дяди) был в 1715 году назначен русским посланником в Вену и был участником событий, связанных с бегством царевича Алексея (Абрам Павлович в Россию уже не вернулся). Его брат — Исак Павлович — и был агентом Меншикова, проводником австрийского влияния (за что впоследствии был выслан из обеих столиц Анной Иоанновной и возвратился ко двору только при Елизавете Петровне). Третий брат — Федор Павлович — также стал, как и старший Веселовский, невозвращенцем,

получив политическое убежище в Англии. И он возвратился Россию уже при Елизавете Петровне и был большим другом Ивана Шувалова, который в 1760 году назначил его куратором Московского университета. Связь здесь безусловна.

Двоюродный дядя Веселовских — Павел Шафиров — сделал головокружительную карьеру: уже в 1704 году потомок лифляндского еврея Шайушка стал личным секретарем царя Петра, а после Полтавской битвы был назначен вице-канцлером и возведен в баронское достоинство. Его моральный облик полностью соответствовал статусу первых русских масонов, тщательно скрывавших свою истинную — то есть продажную — личину: *«...как и его начальник, канцлер Головкин (который занимал первую строчку в «Табели о рангах» империи — С. В.), он состоял на жалованье у Мазепы и князя Матвея Гагарина; он способствовал сокрытию враждебных России приготовлений Мазепы, приготовлений, о которых донесли враги коварного гетмана; Шафиров внес свою посильную лепту в то, чтобы скрыть незаконные поборы Гагарина в Сибири и интриги этого последнего, направленные на отложение Сибири от России и провозглашение ее независимым государством. Словом, предавая царя, своего благодетеля, ради приумножения собственного богатства, вице-канцлер вкладывал, с одной стороны, столько же усердия и хитрости в дело обмана государя, сколько, с другой стороны, вкладывал в дело явного служения Государю»* (Записки князя Петра Долгорукова. СПб., 2007).

Дочь Шафирова — Наталья Петровна — вышла замуж за капитан-лейтенанта флота, графа Александра Федоровича Головина (1694–1731), отцом которого был Федор Алексеевич Головин (1650–1706), ближайший сподвижник Петра I, глава (обратите внимание!) внешнеполитического ведомства (президент Посольских дел), первый в России генерал-фельдмаршал, первый кавалер новой высшей государственной награды — ордена Святого Андрея Первозванного (10 марта 1699 года).

Федор Алексеевич Головин

Но не это удивительно: Головин состоял в свойстве с виднейшими из петровских сподвижников: А.Д. Меншиков был ему свояк (брат Головина Алексей был женат на сестре Александра Даниловича Марфе); Борис Шереметев, Петр Шафиров, Борис Голицын были ему сватами, Павел Ягужинский и Аникита Репнин приходились сватами его сыновьям.

Любопытна другая связь: официально первым масоном в России объявлен его внук, сын Натальи Петровны Шафировой, граф Николай Александрович Головин, который, как выяснилось, действовал в интересах королевской Пруссии: **«В 1746 волонтер в прусской армии. По возвращении в Россию заподозрен в выполнении поручении прусского короля, в 1747 ему повелено поселиться в Москве, не заезжая в Петербург».**

Допрошен по личному приказу императрицы Елизаветы Петровны. Он не только признается в своей принадлежности к масонству, но и сообщает имена некоторых других масонов, «живших в оном же ордене»: братьев графов Захара и Ивана Чернышевых, К. Г. Разумовского и др., принятых в ложу в Пруссии в 1741–1744 годах.

Но и это еще не все — женой самого графа Николая Александровича Головина была Анастасия Степановна Лопухина, фрейлина императрицы. «За двадцать лет царствования Елизавета Петровна уволила за провинность лишь двух девушек — [и первой] фрейлину Анастасию Степановну Лопухину в июле 1743 года <...>, [которая] угодила в опалу по подозрению в причастности к заговору австрийского посланника Ботты...».

На самом деле масоны в России появляются гораздо раньше — в массовом количестве они прибывают сюда вместе с иностранным двором Анны Иоанновны. Уже в 1731 году была открыта в России «Великая Ложа Англии», которая, как выясняется, верно служила интересам короля Пруссии, так как ее ядром были недобитые в Англии якобиты.

Существовала так называемая немецкая партия, о которой один из лучших знатоков закулисной аристократической жизни Российской империи, князь Долгоруков сообщает следующее: *«К немецкой партии принадлежало все дворянство Остзейских губерний и все иностранцы на русской службе (а это треть офицерского состава армии и пятая часть высшего чиновного аппарата империи — С. В.), самыми влиятельными среди которых были: вице-канцлер барон Остерман, фельдмаршал граф Брюс, генерал-фельдцейхмейстер граф Миних и обер-шталмейстер Ягужинский. К этой партии присоединились и те из русских, кому служба при Петре I или случай помогли занять более или менее высокое положение, и еще те, кто не мог надеяться ни лично, ни в силу положения своей семьи*

занять в русской партии столь же выгодного места, как то, что они уже занимали. Среди этих “новых”, как их называли, людей, самым выдающимся по своим заслугам, способностям и твердости был, безусловно, архиепископ Новгородский Феофан Прокопович — президент Синода, доверенное лицо и главный соратник Петра I в его церковных реформах. Кроме того, к партии присоединилась вся семья Головкиных, генералы Румянцев, Чернышев и многие другие».

Но все по порядку. В 1731 году в целях личной безопасности императрица Анна Иоанновна создает из иностранных наемников два полка, в том числе Измайловский гвардейский полк, шефом которого она назначает Карла фон Левенвольде.

Что мы знаем о нем? Выходец из старинного Остзейского дворянского рода. Один из его братьев — Фридрих-Казимир — был генерал-адъютантом Петра I, которого Анна Иоанновна в 1734 году назначила русским посланником в Польшу, но он изменил России и поступил на австрийскую службу. Его брат Рейнгольд, наоборот, будучи на польской службе, попал в русский плен, а когда его отец был принят на русскую службу, освобожден из-под стражи и даже получил придворный чин камергера. И вот тут-то и начинается главное, о чем пишет П. Долгоруков в своих «Записках»: *«Чтобы обеспечить себе некоторую сумму постоянного дохода, а также и поддержку некоторых знатных семейств страны, он принял от герцогини Анны Курляндской (будущей императрицы Анны Иоанновны — С. В.) пост тайного агента при русском дворе, пост, для которого он прекрасно подходил благодаря своему таланту к интригам и близким связям со многими придворными дамами. Тем самым он вошел в приятельные отношения с семействами, близкими к герцогине Курляндской, то есть с Салтыковыми, Ромодановскими, Головкиными и т. д.*

Он с большой ловкостью плел интриги, приведшие к высылке из столицы врагов герцогини Курляндской — княгини Волконской, Черкасского, Нелединского, Федора Талызина, Пашкова и Исаака Веселовского.

У Екатерины I, по восшествии ее на престол, было в одно и то же время сразу двое любовников — Рейнгольд фон Левенвольде и граф Петр Сапега (вторая строчка в “Табели о рангах” — С. В.). Оба были не слишком ревнивы и отлично ладили между собой, стараясь извлечь как можно больше выгод из своего положения.

...Рейнгольд фон Левенвольде был назначен Екатериной обер-гофмейстером ее двора.

...Восшествие на русский трон в 1730 году герцогини Курляндской вполне отвечало его интересам. Он добился своего назначения на должность обер-гофмаршала двора; двор этот в царствование императрицы Анны был чванливый и по-азиатски пышный, там царил полный беспорядок; граф Рейнгольд без всякого стеснения набивал свои карманы. Во время всего царствования Анны и при правительнице он купался в роскоши и удовольствии; отнюдь не стеснял себя в игре; у него была любовная связь с самой красивой женщиной двора, с г-жой Лопухиной; никто не мог его превзойти ни великолепием платья, ни роскошью карет и упряжи...».

Полковником и шефом нового гвардейского Измайловского полка был назначен его родной брат — генерал-адъютант, обер-штальмейстер граф Карл Левенвольде: ему поручалось набрать офицеров «из лифляндцев и курляндцев и прочих наций иноземцев и из русских, которые на определенных против гвардии рангами и жалованьем, себя содержат к чистоте полка могут без нужды и к обучению приложат свой труд».

А подполковником Измайловского полка, то есть фактическим его командиром, стал Джеймс Фрэнсис Эдвард Кейт,

которого русские «братья-масоны» считали (и не без основания, как утверждают историки) основателем масонства в России, хотя он официально стал магистром «Великой Ложи Англии» гораздо позже.

Итак, давайте теперь выясним, кто же такой этот Джеймс Кейт, генерал русской армии. Вот что сообщает «Русский биографический словарь»:

«Он был младшим братом Георга Кейта, наследственного лорда-маршала Шотландии и принял вместе с ним участие в Якобитском восстании. После поражения Якова Стюарта при Шерифмюре оба Кейта вместе с ним бежали во Францию; здесь узнал Кейта Петр Великий и приглашал поступить на русскую службу, но Кейт отказался, не желая сражаться против Карла XII, который внушал ему большое уважение своею личностью; Кейт поступил на службу в Испанию с чином капитана; в крепости Сеуте, во время ее осады марокканцами, он получил тяжелую рану; с 1722 по 1725 г. жил в Париже и занимался науками. Возвратившись в Испанию, он получил чин полковника, но как протестант не мог в Испании получить командование полком. Герцог де Лирия, хорошо знавший Кейта, находясь при русском дворе, выхлопотал в феврале 1728 г. принятие Кейта в русскую службу с чином генерал-майора».

А вот что случилось после восшествия на престол Елизаветы, когда Кейт официально становится великим магистром в России: *«Кейт был последнее время недоволен своим положением в России: господство немцев, столь очевидное в царствование Анны Иоанновны, сменилось теперь, напротив, довольно явным недоброжелательством ко всем иностранцам. Так, Кейту очень хотелось получить место начальника русского отряда, об отправлении которого на Рейн шли переговоры в 1747 и 1748 гг., но ему предпочтен был кн. Репнин. В Военной коллегии имел большое значение*

С. Ф. Апраксин, впоследствии фельдмаршал; он лично был не расположен к Кейту, и Военная коллегия сделала ему несколько неприятных для него замечаний. Кроме того, гр. А. П. Бестужев-Рюмин, не вполне довольный действиями Кейта в Швеции, склонил императрицу отказать старшему брату Кейта в разрешении поселиться в России, представляя, что это могло бы возбудить неудовольствие английского правительства. Тогда Кейт в 1747 г. попросил отставки, которую и получил. Он отправился тогда морем в Гамбург; в Копенгагене он получил приглашение Фридриха II прусского вступить к нему на службу и принял это предложение; 17 сентября 1747 г. Фридрих дал ему чин фельдмаршала, в 1749 г. назначил его на должность губернатора Берлина; берлинская академия избрала его своим почетным членом; вместе со своим старшим братом, прибывшим также в Берлин, он принадлежал к числу интимных друзей короля. При начале Семилетней войны Фридрих постоянно пользовался советами Кейта, военные дарования (а еще более русские военные тайны — С. В.) которого он очень ценил. Кейт принимал участие во многих сражениях и был убит 14 октября 1758 г. при Гохкирхене; он был погребен со всеми почестями австрийцами, за которыми осталось поле сражение; в 1759 г. его прах был перевезен в Берлин; в 1786 г. ему воздвигнут был памятник».

За что был воздвигнут Кейту памятник в Пруссии? За какие такие заслуги?

Вот, что пишет по этому поводу В. Ф. Иванов в книге «Русская интеллигенция и масонство. От Петра Первого до наших дней» (М., 2008): **«Предложенный князем Голицыным план государственного устройства (по ограничению самодержавных прав императрицы Анны Иоанновны при ее восшествии на престол — С. В.) был слишком проникнут олигархическими аристократическими тенденциями,**

а потому не мог вызвать симпатии и доверия в широких кругах общества. Для шляхетства неприемлема была конституция, при которой управление всеми делами государства переходило к некоторым знатным фамилиям. Конституционалисты разбились на несколько партий. Верховники старались путем уступок при переговорах с конституционалистами привлечь их на свою сторону, но из этого ничего не выходило. Разброд продолжался. Разногласие и погубило затею конституционалистов. Этим воспользовалась партия так называемого самодержавия. В этой партии действовали люди не из-за принципа, а в силу шкурных интересов: к их числу нужно отнести Феофана Прокоповича, Ягужинского, Левенвольде. Партия имела в себе старого и опытного интригана в лице Остермана, в кабинете которого сходились все нити этой интриги. Был в ней и “идейный представитель” — Кантемир. К этому движению примкнули сановники, обиженные верховниками: сенатор Салтыков, князь Трубецкие, князь Барятинский, князь Юсупов и другие. Душой переворота, несомненно, был масон Кейт, эмиссар Фридриха. Он стоял за кулисами этого движения. Переворот совершился по приказу и в пользу Фридриха. Игра конституционалистов закончилась, и “кондиции”, подписанные Анною в Литве, были всенародно разорваны. Конституционная монархия в России просуществовала десять дней, и с той поры власть и влияние в государстве захватили немцы».

«...Кейт, — пишет Вернадский (Г. В. Вернадский, “Русское масонство в царствование Екатерины II”), — был представителем семьи, объединявшей в своей деятельности три страны — Россию, Шотландию и Пруссию. Сам Джеймс Кейт бежал из Англии и после неудачного исхода якобитского восстания (в котором Кейт принимал участие на стороне претендента — Стюарта), в 1728 году

он сделался русским генералом, около 1747 года перешел на службу Пруссии; он участвовал затем на стороне Пруссии в Семилетней войне и в 1758 году был убит в битве при Гохкирхене.

Брат его Джон Кейт (лорд Кинтор) был гроссмейстером английского масонства; Джордж Кейт — известный генерал Фридриха II (приговоренный в Англии к смертной казни за содействие тому же Стюарту), наконец, тоже Кейт (Роберт) был английским послом в Петербурге (несколько позже, в 1758–1762 годах)».

«Джеймс (Яков) Кейт в 1740 году делается провинциальным гроссмейстером для всей России, назначение свое он получил от гроссмейстера английских лож, которым тогда был брат его Джон Кейт, граф Кинтор. Имя Якова Кейта пользовалось большим уважением среди русских масонов, в честь которого была сложена песнь и пелась в России в ложах в царствование Елизаветы:

*По нем (по Петру Великому) светом озаренный
Кейт к россиянам прибеж
И усердием воспаленный
Огонь священный здесь воздвиг.
Храм премудрости поставил (основал ложу).
Мысли и сердца исправил
И нас в братство утвердил.
Кейт был образ той денницы,
Светлый кося восход
Светозарная царицы
Возвещает в мир приход...*

Этот отец и благодетель русских масонов был ни кем иным, как шпионом и эмиссаром Фридриха Второго, ярого масона, прозванного Великим за свою ненависть к христианству».

Отдавая дань уважения Петру Владимировичу Долгорукову и его «Запискам», изобличающим в глазах потомков высшую аристократию Российской империи, мы не можем пройти мимо его личной оценки русского франкмасонства как явления безусловно положительного для России:

«Джеймс Кейт, основоположник франкмасонства в России, один из самых замечательных и уважаемых людей своего времени, родился в 1696 году, в графстве Кинкардин в Шотландии. Его отцом был Уильям лорд Кейт, наследственный граф-маршал Шотландского королевства, а дедом по материнской линии — лорд-канцлер короля Якова II. Таким образом, будучи приверженцем короля Якова (якобитом — С. В.) и по отцовской, и по материнской линии, в 1716 году примкнул к партии претендента, когда тот высадился в Шотландии под именем Якова III. Молодой Кейт был ранен в битве при Шерифмюире и после поражения претендента был вынужден бежать на континент. Он укрылся во Франции... Герцог де Лириа был назначен в 1728 году послом в Петербург и с помощью молодого князя Ивана Долгорукова добился принятия Кейта на русскую службу в чине генерал-майора. ...к моменту смерти императрицы Анны был уже в чине генерал-аншефа, всеми любимый и уважаемый: он сделал блестящую карьеру, не унижаясь и не пресмыкаясь перед Биреном, что по тем временам было делом необыкновенным и просто феноменальным (выделено мной — С. В.).

...Когда Кейт приехал в Россию, он уже был франкмасоном; здесь он нашел соотечественника и брата-масона — ученого и почтенного фельдмаршала Брюса, поддержка которого, его влияние, советы, большой опыт и глубокое знание русских людей и обстоятельств были необычайно полезными молодому шотландцу. Кейт многих склонил к масонству, несмотря на то, что царствование Анны и режим Бирена не благоприятствовали учреждению регулярной ложи; но Кейт упорствовал в организации ложи вплоть

до регентства принцессы Брауншвейгской, столь доброй и кроткой. Только в 1741 году великая английская ложа присудила Кейту на своем торжественном заседании титул и полномочия гроссмейстера в России.

Лицемер и интриган, герцог де Лириа несколько не сомневался, что, способствуя проникновению Кейта в Россию, он открывал в нашу страну доступ франкмасонству, столь ненавистному нашим ханжам, обскурантам и приверженцам прошлых заблуждений.

...Франкмасоны существовали во многих странах; но была только одна постоянно действующая ложа, это ложа Херидом в Килвиннинге в Шотландии, происхождение которой теряется во тьме веков и основание которой знающие люди относят к XII веку и приписывают шотландскому королю Роберту Брюсу (эта ложа была переведена в 1744 году в Эдинбург, а в 1807 году она слилась с великой шотландской ложей Святого Иоанна).

Отмена Нантского эдикта (о веротерпимости — С. В.) и постыдные преследования, за этим последовавшие, наполнили печалью сердца всех порядочных людей Европы, и в эту самую эпоху славная и удивительная Английская революция 1688 года заставила оценить, по контрасту, огромные благодеяния гражданской и политической свободы. Через четверть века после 1688 года пришествие немецкого Ганноверского дома на британский трон привлекло в Англию значительное число немцев; многие из них, объединившись с англичанами, шотландцами, ирландскими протестантами, реорганизовали франкмасонство на более широкой основе, лучше отвечавшей духу времени, придав ему еще более сильный импульс в сторону чувства всеобщей терпимости, милосердия и братства, то есть цели этого великого установления. Первое заседание великой ложи Англии состоялось 24 июня 1717 года, а заседание великой ложи Ирландии — в 1722 году.

... в 1741 году Кейт организовал масонскую ложу в России...

...Порядочность Кейта не позволяла ему подбирать колоски на поле лихоимцев, на котором столь откровенно кормилось большинство штаб-офицеров той поры. Его доходы были весьма посредственными. Каницлер Бестужев, который терпеть не мог Кейта, препятствовал своими интригами тому, чтобы заслуги этого генерала закономерно вознаграждались дарением земель. Старый фельдмаршал Долгоруков, президент Военной коллегии, крестный императрицы, гнушался всеми без исключения иностранцами. Кейт ходатайствовал о приеме на российскую службу своего старшего брата, милорда-маршала, с положением, соответствующим человеку его ранга; ему было грубо и сухо отказано; Кейт узнал, что императрица Елизавета сказала: “На кой черт нам этот маршал?” — в результате тот принял предложения прусского короля. Он поступил в прусскую службу в чине генерала от инфантерии, вскоре был назначен губернатором Берлина и произведен в фельдмаршалы. В 1758 году, в битве при Гохкихене (против русских — С. В.), он был сражен ядром, и его смерть вызвала всеобщую печаль.

...По отъезде из России достопочтенного Кейта русское франкмасонство нашло (в 1749 году — С. В.) своего покровителя в лице молодого человека, влияние которого при дворе продолжалось до самой смерти Елизаветы, — человека, который сумел своими достоинствами и выдающимися заслугами, оказанными делу Просвещения, возвысить и даже облагородить должность не слишком достойную саму по себе — любовника императрицы, по правде говоря еще красивой, но все же старше его на целых 18 лет. Этот молодой человек, прославленный Иван Иванович Шувалов, основатель Московского университета, друг Ломоносова, своей любовью к человечеству, ко благу себе подобных, к Просвещению,

а также своим редким бескорыстием вполне достоин быть помещенным в первые ряды франкмасонства, просвещенным защитником которого он был в России».

Шуваловы в русской истории появились как бы ниоткуда: бесперспективные мелкие дворяне, братья Александр и Петр Ивановичи, служившие при дворе бесперспективной Елизаветы Петровны. Их возвысил дворцовый переворот 1741 года, свершившийся по воле и на деньги прусского короля: вместе с безродными Алексеем Разумовским, с которым Елизавета Петровна тайно обвенчалась в 1744 году, столь же безродными (по оценке П. В. Долгорукова) братьями Воронцовыми (о них ниже) были возвышены и безродные братья Шуваловы. Следующий их шаг по карьерной лестнице определил брачный союз Петра Ивановича с любимой подругой императрицы Елизаветы Петровны, Маврой Егоровной Шепелевой (это, конечно же, был брак по расчету, так как, по словам П. В. Долгорукова, она была «довольно отвратительной»). Затем Александр Иванович возглавит Тайную канцелярию.

*Дочь Александра Ивановича Шувалова —
графиня Екатерина Александровна Головкина,
жена Гавриила Ивановича Головкина, внука канцлера*

Племянник Шуваловых — Иван Иванович — в 1749 году станет не без помощи дядьев любовником императрицы, что и позволит создать при дворе перспективную шуваловскую (все ту же пропрусскую) партию, ориентированную на наследника престола Петра Федоровича, противостоящую партии канцлера Бестужева, ориентированной на Священную Римскую империю (Австрию) и Екатерину Алексеевну, жену царевича, как будущую императрицу Екатерину II.

Иван Иванович Шувалов

В 1759 году партии Шувалова удалось отправить канцлера в ссылку. В специально созданную следственную комиссию вошли следующие лица: князь Никита Юрьевич Трубецкой, генерал-фельдмаршал Александр Борисович Бутурлин и Александр Иванович Шувалов.

Вот такой образовался политический клубок, который мы попытаемся распутать.

Членом прусской масонской ложи «Молчаливость», организованной Кейтом и состоявшей уже из природных русских аристократов, был глава внешнеполитического ведомства России граф Михаил Илларионович Воронцов, а возглавлял ложу служивший прежде в Измайловском гвардейском полку его родной брат — граф Роман Илларионович Воронцов, отец княгини Екатерины Дашковой.

Князь Петр Владимирович Долгоруков, один из самых известных знатоков истории русского дворянства, рассказывает историю восхождения на политический Олимп членов этой семьи: *«Во второй половине XVIII века возникает некий стрелецкий полковник Дмитрий Лукьянович Воронцов и два его кузена, оба сотники стрелецких войск: Елизар Никитич и его брат, Гавриил; этот последний был убит в 1678 году при осаде Чигирина. Каково было их происхождение? Откуда они появились? Согласно преданию, их дед, простой крестьянин из деревни Воронцово, взял себе это имя. Младший из четырех сыновей Гавриилы, Илларион, ставший офицером в войсках Петра I, женился на девице Масловой, от которой у него было три дочери и трое сыновей — Роман, Михаил и Иван. Роман женился на Марфе Ивановне Сурминой, горничной великой княжны Елизаветы, и это он привел ко двору великой княжны своего второго брата Михаила, бывшего в чине камер-юнкера. Михаил, человек ума недалекого, но коварный и лукавый, а к тому же изрядной внешности, был одним из многочисленных случайных любовников Елизаветы. Он сопровождал ее в казармы в ночь ее восшествия на*

престол; если бы этот заговор провалился, то ночное предприятие получило бы имя бунта; Воронцов и его соумышленники были бы биты кнутом и сосланы в каторжные работы в Сибирь; но предприятие преуспело и было увенчано именем революции, а Воронцов вскоре стал большим вельможей. В тот же день, 25 ноября, он был пожалован в камергеры; а 31 декабря произведен в чин генерал-лейтенанта. В первые недели 1742 года он женился на княжне Анне Скавронской, кузине императрицы; в день коронавания императрицы, 25 апреля, его жена была пожалована в статс-дамы; сам он получил ленту ордена Св. Александра Невского, так же как и его семидесятилетний, уже удалившийся со службы отец, которому императрица пожаловала в этот день чин действительного статского советника, а через короткое время после этого — и тайного советника (этот старец умер в 1750 году, в возрасте 76 лет).

Графиня Анна Карловна Воронцова (урождённая графиня Скавронская) — жена канцлера графа Михаила Илларионовича Воронцова, двоюродная сестра императрицы Елизаветы Петровны, статс-дама

В 1744 году Михаил Воронцов был пожалован графом Священной Римской империи, и по этому случаю в его графский диплом ввели ложную генеалогию, связывающую его со старинными Воронцовыми, угасшими в 1587 году...

В течение того же 1744 года Михаил Воронцов, в то время всего лишь тридцатилетний, был пожалован в действительные тайные советники и вице-канцлеры России, а после падения Бестужева в 1758 году он был назначен канцлером империи. ...Этот сомнительный канцлер умер в 1767 году, в возрасте 53 лет, причем на протяжении всего долгого времени он был на жалованье Англии, Франции и Австрии. Это был человек из самых продажных, столь же презренный, как и его старший брат Роман...

Великий канцлер Михаил Илларионович Воронцов

У канцлера графа Воронцова не было мужского потомства; его единственная дочь, одна из самых развратных женщин своего времени, вышла замуж за графа Александра Строганова (Александр Сергеевич Строганов, масон, а его сын, Павел Александрович — в молодости якобинец — С. В.). Пользуясь тем обстоятельством, что во время Семилетней войны Венский двор нуждался в поддержании союза с Россией, граф Александр добился в 1760 году графских дипломов для обоих братьев своей жены, Романа и Ивана. В эти дипломы также была включена эта ложная генеалогия, столь дорогая сердцу Воронцовых».

Граф Александр Сергеевич Строганов

В этой масонской ложе состояла практически вся семья Воронцовых, включая графа Александра Романовича Воронцова, будущего министра иностранных дел (то есть тоже канцлера при Александре I, а его протееже был знаменитый Александр Радищев, с которым позже они входили в ложу «Урания»), родного брата княгини Екатерины Романово-Дашковой, участницы дворцового переворота 1761 года, ближайшей подруги императрицы Екатерины II, муж которой — князь Михаил Иванович Дашков — также был масоном и состоял в этой ложе.

Граф Александр Романович Воронцов

Князь Михаил Иванович Дашков

Екатерина II не доверяла масонам, хотя и вынуждена была вести с ними свою политическую игру. Поэтому, доверив Дашковой быть своим представителем среди придворной аристократии, Екатерина не включила в свое правительство НИКОГО из рекомендованных ею людей и переведя ее саму сразу после переворота на второстепенные политические роли, хотя, говорят, Екатерина Романовна требовала для себя чин полковника гвардии. Вспомним при этом, что фавориткой императора Петра III была Елизавета Романовна... Воронцова.

*Екатерина Романовна Дашкова (Воронцова),
фаворитка императрицы Екатерины II*

*Елизавета Романовна Воронцова,
фаворитка императора Петра III*

*Мария Романовна Воронцова,
жена Петра Александровича Бутурлина*

В ложе «Урания» состояли и дети коллег руководителя Тайной канцелярии А.И. Шувалова по следственной комиссии:

Петр Александрович Бутурлин

Сын генерал-фельдмаршала Александра Борисовича Бутурлина, Пётр Бутурлин, который с 1758 года был женат на фрейлине — графине Марии Романовне Воронцовой (их сын, Григорий Петрович, крестник императрицы Екатерины II, после ранней смерти родителей будет воспитываться в семье Александра Романовича Воронцова, станет впоследствии директором Эрмитажа, а женится на своей троюродной сестре Анне Артемьевне... Воронцовой, **«благодаря своему дяде Александру Романовичу с юных лет увлекался передовыми воззрениями эпохи Просвещения, был страстным поклонником Вольтера и Руссо»**».

Анна Артемьевна Воронцова

Один из многочисленных сыновей князя Никиты Юрьевича Трубецкого, Сергей Трубецкой, матерью которого была графиня Анастасия Гавриловна Головкина, дочь петровского канцлера и родная сестра Анны Гавриловны Ягужинской — той самой, которая после второго брака стала Бестужевой и проходила подследственной по делу Лопухиных, организованного Лестоком. Ее сослали по суду в Якутск, где она и умерла в 1751 году. Кстати, потом именно А.И. Шувалов, дочь которого выйдет замуж за внука канцлера — Гавриила Ивановича Головкина — будет вести в 1748 году дело Лестока (и тот чуть было не потеряет голову), а в 1756 году — «выявлять» членов масонской ложи по списку, подготовленному крестником царя Петра I, сыном действительного статского советника Олсуфьева, именем которого завершается долгоруковский перечень чиновников Российской империи высших рангов.

Интересно, что все тот же П. В. Долгоруков, столь высоко и поэтично отзывавшийся о франкмасонах России, дает самую уничижительную характеристику главе первой русской масонской ложи, в которой, по всей видимости, первоначально и состоял боготворимый князем Долгоруковым Иван Иванович Шувалов:

Граф Роман Илларионович Воронцов

«Граф Роман, умерший в 1783 году в возрасте 76 лет, был человеком с достоинствами, но одновременно самым угодливым из придворных и самым бесстыдным из лихоимцев. Во втором томе моих “Записок” я расскажу, как при Петре III он вверг в распутство свою собственную дочь (это, вероятно, было в правилах масонов — вспомнить женитьбу Петра Шувалова на “отвратительной” фрейлине Шепелевой, а также любовные игры Ивана Ивановича со старушкой Елизаветой Петровной — С. В.). Он так воровал в доверенных ему правлениях, что заслужил прозвище Роман — Большой карман. <...> Лихоимству, кражам и подлостям этого человека, как равно и его брата канцлера, обязана княжеская ветвь Воронцовых своими огромными богатствами».

Екатерина II, обязанная Дашковой своим восхождением на трон, тем не менее, высказывала весьма отрицательное мнение о ее отце в своих «Записках»: **«Гипокрит, каких не бывало, вот кто продавался первому покупщику; не было [иностранного] двора, который бы не содержал его на жаловании».**

При Анне Иоанновне немецкой партии, к которой примкнули многие русские аристократы, не поддержавшие «верховников» — членов Верховного тайного совета, попытавшихся ограничить самодержавие, жилось весьма привольно, поэтому деятельность Кейта, занимавшегося в те годы больше «кадровыми» вопросами (формированием преподавательского состава Сухопутного шляхетского корпуса), была незаметна. Но всякое «хорошее» когда-нибудь заканчивается. Наступил 1740 год:

«...16 октября Императрица Анна Иоанновна подписала указ о назначении Бирона регентом, а 17-го скончалась. Этим актом национальное унижение русских было доведено до последних пределов, в России могло вспыхнуть восстание, несмотря на всю покорность народа. С целью

прекращения начинающихся волнений и предупреждения взрыва создается диктатура Бирона с его системой террора.

19 октября выходит указ Императора Иоанна VI, в котором предписывалось Бирона титуловать “Его Высочество, регент Российской империи, герцог Курляндский, Лифляндский и Семигальский”.

Бирон сделался полновластным и неограниченным правителем России. К счастью, это продолжалось недолго. Фельдмаршал Миних и гвардия прекратили позорящее Россию правительство. Правительницей была назначена Анна Леопольдовна, начались ссоры между немцами. Остерман был недоволен, что Миних стал первым министром и главным руководителем иностранными делами. Недовольны были этим возвышением и другие немцы.

Плелась французская интрига. Как ранее господство немцев было подготовлено уوبيцей русских, так теперь падение немецкого господства подготавливается раздором, уوبيцей между немцами, которые губят друг друга в борьбе за власть. Бирон свергнут Минихом; под Миниха подкопался Остерман. Против Остермана — русский народ. Головкин, фаворит Анны Леопольдовны, ведет интригу против Остермана. Около Анны Леопольдовны вновь саксонский посланник граф Линар, в котором видят нового Бирона.

...Растет недовольство. Зреет, как спелый плод, очевидной государственной переворот.

Французский агент Лалли в записке своей о положении России, поданной кардиналу Флери, говорил: “Россия подвержена столь быстрым и столь чрезвычайным переворотам, что выгоды Франции требуют необходимо иметь лицо, которое бы готово было извлечь из того выгоды для своего государя”.

Таким лицом был маркиз Шетарди, прибывший в Россию для того, чтобы произвести глубокую разведку о состоянии

умов русского общества и в благоприятный момент освободить Россию из-под немецкого влияния, с тем чтобы подчинить ее влиянию французскому. Дело решили гвардия и французское золото. Преображенцы постояли за себя. Дочь Петра I Елизавета стала императрицей. По вступлении на престол Елизаветы выявилось народное движение, направленное против иностранцев, утвердившихся в два последние царствования. Низы ждали изгнания иностранцев из России. Но ничего, кроме уличных драк с иноземцами, не произошло.

Начинается реакция против господства иностранцев, презрительно относившихся ко всему русскому, и слабый поворот к национальному режиму. Елизавета в истинном смысле русская женщина. Умная, живая, приветливая и обходительная, она стала любимицей народа. Она получила свои черты от тесного общения с народом. Еще цесаревной она выражала свои симпатии Москве и русскому быту. С местной молодежью царевна слушала старые русские песни, пела и плясала, водила хороводы, на святках гадала, одевалась в русское платье. В дочери Петра, не любившего Москвы и старых порядков и отрекшегося от них, оживает образ прежней московской царевны.

За 20 лет правления Елизаветы Россия отдохнула от своей прежней тяготы, и русская церковь узнала спокойные дни. Елизавета была истинно православной женщиной. Это была искренняя последовательница старомосковского благочестия. Она выстаивала долгие службы, посты соблюдала во всей прежней их строгости, ходила пешком на богомолье, особенно известны ее выходы на богомолье в Троицкую лавру, которые напоминали по их пышности и по значительности богомольные походы ее деда и прадеда, царей Алексея и Михаила» (Иванов В. Ф. Русская интеллигенция и масонство. От Петра Первого до наших дней. М., 2008).

Король Пруссии Фридрих II Великий

«За спиной заговорщиков Шетарди и И. Лестока, организовавших заговор с целью захвата власти, стояли Франция, Швеция и Пруссия, но душою его был прусский король Фридрих II, который щедро оплачивал и Шетарди, и Лестока. Цель Фридриха — способствовать отстранению от русского престола Правительницы, которая (естественно, она ведь была герцогиней Брауншвейгской и приходилась кровной родней царствующему Дому Священной Римской империи — С. В.) придерживалась враждебной Пруссии австрийской ориентации, а также в перспективе провести на русский престол благоговевшего перед ним с детства племянника, голистинского герцога, сына дочери

Петра I. Как известно, этот план удался, хотя история и внесла свои коррективы...

...Фридриху не удалось сделать Елизавету орудием в своих руках. Более того, Елизавета поняла действительные цели Лестока как секретного двойного агента одновременно и Пруссии, и Франции. В 1745 году русские спецслужбы перехватили тайную переписку Лестока и Шетарди: последний был выдворен из России, а Лесток потерял прежнее влияние. В 1748 году снова были перехвачены письма Лестока и заместителя канцлера М. И. Воронцова к прусскому королю-масону Фридриху, из которых следовало, что оба они регулярно получали деньги от прусского короля за некие тайные услуги. Тесно связанные с масонскими ложами Воронцов и Лесток были наказаны: Воронцов на время отстранен от государственной деятельности, а Лесток арестован, пытан в Тайной канцелярии, приговорен к смерти как политический преступник, но помилован и сослан в Углич, а затем в Устюг Великий» (О. Платонов. Терновый венец России. М., 2000).

Но это было потом, спустя семь лет после дворцового переворота, а до этого было так называемое «Лопухинское дело», организованное Лестоком, чтобы утвердить на должности главы внешнеполитического ведомства России своего человека — будущего великого канцлера Михаила Илларионовича Воронцова, который хитро подыгрывал обеим сторонам.

Кто же он был таков, еще один всесильный иностранец при царском дворе?

Иоганн Герман Лесток, оказывается, был по молодости ближайшим другом Ягужинского.

И что же? **«Едва освоившись с краем, который принял его как родного, он уже отворачивался от него и сближался с его врагами или же с теми, кто приезжал в Россию для того, чтобы стать ее врагом» (П. В. Долгоруков).**

Иоганн Герман Лесток

И здесь нам нужно сделать необходимое отступление.

Вторгшиеся с подачи царя Петра Алексеевича и императрицы Анны Иоанновны в Россию иностранные наемники, многие из которых были профессиональными разведчиками, понимали, что только хорошо налаженная шпионская сеть может позволить не только собирать объективную и важную информацию о внутренней и внешней политике России, но, главное, влиять и на то, и на другое.

Измайловский и Конногвардейский полки — были, безусловно, кузницей масонских кадров, но этого было мало.

И вот тогда — во времена все той же Анны Иоанновны, которую весьма мало волновали вопросы российского образования, возникает проект о создании Шляхетского (кадетского) сухопутного корпуса.

А инициатором этого проекта выступает родственник первого российского масона, бывший при Петре I генерал-прокурором Павел Ягужинский, который в свое время оказал Анне Иоанновне большую услугу при ее восшествии на престол, благодаря которому ей и удалось справиться с «верховниками». И Анна Иоанновна благословила новую затею Ягужинского.

Шляхетский корпус блестяще справился с задачей, которую ставили перед собой масоны, готовившие русских «вольтерьянцев»: *«Кадетский шляхетский корпус нередко называли “рассадником великих людей”. Из его стен вышли фельдмаршалы П. А. Румянцев и М. Ф. Каменский, писатели А. П. Сумароков и М. М. Херасков, первый русский актер Ф. Волков, историк И. П. Елагин, герои Отечественной войны 1812 г. генералы Д. С. Дохтуров, Я. П. Кульнев, И. С. Дорохов и др.*

Особое место занял Сухопутный шляхетский кадетский корпус в истории развития русской литературы и театра. Его воспитанники объединились в “Общество любителей русской словесности”, где читали свои стихи, сочинения и переводы. Трагедия А. П. Сумарокова “Хорев” была сыграна ими на сцене в 1749 г., а уже 1 января следующего года во дворце императрицы Елизаветы Петровны. В главных ролях выступали П. И. Мелиссино (будущий генерал от артиллерии, директор Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса), П. С. Сви-стунов (впоследствии действительный тайный советник), Н. А. Бекетов (будущий генерал-поручик), кадет Ф. Волков и сам А. П. Сумароков. Спектакль неоднократно повторялся и в корпусе, и при дворе. Вскоре по Высочайшему повелению был учрежден Русский театр во главе с директором А. П. Сумароковым».

Первой женой Ягужинского была Анна Федоровна Хитрово, но, возвысившись при царском дворе, он избавился

от нее: *«...Петр I приказал запереть 2-ю Ягужинскую в монастырь и безо всяких формальностей развода, без обращения в Синод через год он женил своего фаворита на графине Анне Головкиной, дочери канцлера»* (П. В. Долгоруков).

Одна из дочерей Ягужинского была женой того самого графа Головина, который представлял в России интересы Пруссии и в одной масонской ложе с которым состояли братья Чернышевы. Им, в отличие от Головина, не пришлось держать ответа перед незаконнорожденной дочерью Петра I.

Почему?

Потому что они оба были такими же незаконнорожденными сыновьями императора. Впрочем, как и будущий фельдмаршал масон Румянцев, который также был родным сыном Петра.

«Как и Румянцев, Григорий Петрович, первый граф Чернышев был обязан своими чинами, богатством и титулами тому факту, что Петр I решил его женить на одной из своих любовниц. <...> Ему было 40 лет, когда царь предложил ему жениться на одной из своих любовниц, юной особе 17 лет, красивой, умной, из старинной семьи, но развратной и до крайности циничной, но жениться с условием, что царь будет продолжать отношения с этой дамой (Авдотьей Ивановной Ржевской, дочью “княгини-игуменьи” Всеппянейшего собора Дарьи Ржевской — С. В.). Чернышев согласился; он женился, был произведен в генерал-майоры и получил четыре тысячи душ крепостных. Один за другим родилось четверо дочерей и трое сыновей — Петр, Григорий и Захар (четвертый, Иван, дед достойного и несчастного декабриста графа Чернышева, родился через десять месяцев после смерти Петра I, и нам неизвестно его происхождение). По рождении каждого ребенка Чернышеву дарились новые земли».

Кстати, очень любопытные подробности свадьбы оставил нам сам Чернышев: *«По взятии Выборга и по прибытии оттуда в Питербурх, в 1710 году, [я] женился (38-ми лет), взял Иванову дочь Ивановича Ржевского, девицу Авдотью; венчали в крепости, в деревянной церкви, во имя святых апостолов Петра и Павла; от церкви ехали в государеве буере, кой называется «Фаворит», а прочие присутствующее при том особы в других буерах, вниз Невою, на Васильевской остров, в дом его светлости генерала-фельдмаршала князя Александра Даниловича Меншикова. И во оном доме был стол; а после стола, из дому его светлости, девицы государыни царевны Екатерина Иоанновна, Анна Иоанновна, отцами: светлейший князь Александр Данилович Меншиков, генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин, другою матерью светлейшая княгиня, Дарья Михайловна Меншикова, фонштейндор Павел Иванович Ягужинской, Шафиров; из морских и сухопутных офицеров 12 человек; братья были: канцлер граф Гаврила Иванович Головкин, от гвардии майор князь Василий Володимирович Долгоруков; сестры: Домна Андреевна Головкина (жена канцлера — С. В.), Сара Ивановна Брюсова (то есть жена Якова Брюса — С. В.)».*

А вот и подробности о сыновьях-масонах: *«...граф Петр <...> был русским посланником поочередно в Копенгагене, в Берлине, в Лондоне и в Париже; это был умный и талантливый человек, но безмерно спесивый, необычайно тщеславный и невыносимо высокомерный; его никто не любил. Совсем другим был его брат, знаменитый фельдмаршал граф Захар, который очень походил на Петра I, не фигурой, потому что был маленького роста, но чертами лица; у него был даже тот же тик, что и у грозного императора, их отца».*

Граф Петр Григорьевич Чернышев

Граф Захар Григорьевич Чернышев

Иван Григорьевич Чернышев

Что толкало прямых потомков Петра Великого на связь с тайными шпионскими организациями?

Вероятно, неудовлетворенная жажда власти, которая влилась в них вместе с императорской кровью. Они были богатыми, но не всесильными; в больших чинах, но не на первых ролях...

В числе тех, кого назвал масонами Головин, — Кирилл Разумовский. Его брат, Алексей Григорьевич Разумовский, в 1742 году стал любовником, а в 1744 — тайным мужем императрицы Елизаветы. Когда же успел вступить в Орден его младший брат, если он был в 1743 году отправлен учиться за границу, будучи неграмотным четырнадцатилетним мальчишкой, стал студентом Кенигсбергского (учился вместе с Иммануилом Кантом, вот и набрался мудрости, жил у великого Эйлера, который учил его математике), Берлинского и Гёттингенского («лекции посещал инкогнито»?) университетов, но вернулся домой уже через два года (совершив

при этом еще путешествие по Италии и Франции), пройдя «полный курс обучения» и получив (в восемнадцать лет и за неизвестно какие научные заслуги) должность президента Российской (Санкт-Петербургской) Академии наук, в которой пребывал всю оставшуюся жизнь, снискав себе славу человека, поддержавшего в русской науке Михаила Васильевича Ломоносова.

Жуть берет, когда вчитываешься в то, о чем сам пишешь.

Кирилл Григорьевич Разумовский

Но не все так безобидно и безоблачно. За границу Кирилл Разумовский был отправлен не один. С ним следовал сопровождающий — еще один гений века Просвещения, когда за два года обучения можно было стать кем угодно, — Григорий Николаевич Теплов, *«русский философ-энциклопедист, писатель, поэт, переводчик, композитор, живописец и государственственный деятель»*, получивший в 1733–1736 гг. образование в той же Пруссии, откуда прибыл в Россию и масон Разумовский. Вы думаете, я перечислил все его заслуги? Куда там: *«Сенатор, действительный тайный советник, противник Петра III, ближайший сподвижник Екатерины Великой, близкий друг и наставник графа Кирилла Разумовского, глава гетманской канцелярии в Малороссии с 1741 года и фактический инициатор её упразднения. Действительный член Академии наук и художеств, адъюнкт по ботанике (с 1742 года), почётный член Императорской Академии наук и художеств (с 1747), фактический руководитель Академии с 1746 по 1762 год. Создатель устава Московского университета»*.

Разумовские был сыновьями казака Григория Розума с Черниговщины, один из которых — старший Алексей — обладал прекрасным голосом (почему и попал в придворную хоровую капеллу) и замечательными мужскими достоинствами, почему обратил на себя всеядный взор царевны Елизаветы Петровны: *«Елизавета отнюдь не отличалась постоянством в плотских утехах: она любила разнообразие и никогда себе в этом не отказывала; но ее сердце безраздельно принадлежало Разумовскому до того самого момента, когда, позднее, ее абсолютным повелителем стал Иван Шувалов»*.

Елизавета не жалела ничего для безродного Кирилла Разумовского, потому что безумно любила его брата.

Официальным отцом другого русского ученого — Теплова — считается некий истопник.

Но настоящего «истопника» звали Феофаном — точнее, Феофаном Прокоповичем, о котором его коллеги (например, протоиерей Георгий Флоровский) отзывались следующим образом: *«Феофан Прокопович был человек жуткий. Даже в наружности его было что-то зловещее. Это был типический наемник и авантюрист, — таких ученых наемников тогда много бывало на Западе. Феофан кажется неискренним даже тогда, когда он повергает свои заветные грезы, когда высказывает свои действительные взгляды. Он пишет всегда точно проданным пером. Во всем его душевном складе чувствуется нечестность. Вернее назвать его дельцом, не деятелем. Один из современных историков остроумно назвал его “агентом Петровской реформы”».*

Феофан Прокопович

«Не было почти рода писательства, к которому не был бы причастен Феофан. Богослов, проповедник, канонист, юрист, историк, поэт совмещались в нём с разною степенью дарования, но, во всяком случае, в необыкновенном сочетании. Таких разносторонних и плодовитых талантов мало можно встретить среди наших деятелей XVIII века. Взятая в целом личность Феофана Прокоповича всегда останется одной из центральных фигур русской истории XVIII столетия».

Еще бы — получив образование в Риме, в греко-униатской школе, он принял православие, которое никогда не исповедовал, будучи, по мнению самого Петра I, скорее лютеранином, за что царь назначил его сначала ректором Киевской духовной академии, профессором теологии, затем епископом Псковским и Нарвским, членом правительственного Синода и главным реформатором русской православной церкви.

«Достигнув осуществления всех своих честолюбивых замыслов и желаний, став полновластным господином русского духовенства, поверженного к его ногам, ссылая, отправляя, безнаказанно тираня своих врагов, Феофан умер в Петербурге, 8 сентября 1736 года, в возрасте 55 лет. Его конец был беспокойным и тяжелым: надвигающаяся вечность его ужасала. На смертном ложе, поднеся руку ко лбу, он воскликнул: «О, голова, голова, разума упивься, где приклонишься?» (П. В. Долгоруков).

И о Теплове: *«В то время как Феофан занимал пост псковского архиепископа, он взял себе в любовницы жену одного из истопников епископской обители; от этой женщины у него был сын, названный Григорием Николаевичем Тепловым; он стал одним из самых умных, самых образованных и в то же время самых пройдошистых людей своей эпохи. Он был воспитателем фельдмаршала-гетмана Разумовского и сенатором в царствование Екатерины II» (П. В. Долгоруков).*

Секрет, думается, очень прост: папа способствовал посвящению сына в прусский сатанинский Орден, и Теплов с молодым Разумовским только повторяли уже знакомый маршрут, чтобы исполнить волю хозяина — прусского короля — и обставить со всех сторон русский трон своими — посвященными и просвещенными — людьми.

Поэтому первый состав русских масонов — это якобиты, нашедшие пристанище в России и создавшие первое «осиное гнездо».

Второй состав — это русские «выкресты», изменившие и своей вере, и своей Отчизне.

Внук одного из первых русских масонов, Ивана Чернышева (правнук царя Петра I), Захар Григорьевич Чернышев за участие в декабрьском восстании был сослан на Нерчинские рудники, потом отбывал ссылку в Якутске, был послан солдатом на Кавказ, где был тяжело ранен и заслужил царское прощение. Но это преамбула. Главное в другом: в 1834 году он женился. Его супругой была дочь сенатора Теплова, правнучка Феофана Прокоповича. Вот как тесен мир масонов...

Люди, называвшие себя вольными каменщиками, на самом деле стремились к разрушению — разрушению самодержавия, православия, государства под лозунгами свободы личности, всеобщего равенства и братства. Теперь, когда мы знаем истинную цену всем этим фальшивым лозунгам, то вряд ли с тем же щенячьим пионерским восторгом, как прежде, будем разделять взгляды масонов (декабристов, революционеров всех мастей, а тем более большевиков) на свободу личности как первооснову мироздания, которой нужно добиваться ценою кровавых революций и гражданских войн.

Но на заре формирования новой революционной идеологии тайные масонские общества вносили свежую струю в затхлую придворную, да и вообще повседневную, жизнь, наполняя ее романтическим ароматом и рисуя в воображении героические былинные картины. А в итоге российская

повседневность (особенно если ее можно было сравнить с заграничной, наполненной культом всевозможных наслаждений) становилась еще более унылой, серой и постылой. Как при Советской власти... (Правда, потом, когда годы Советской власти уже остались только в памяти, почему-то начали рождаться такие вот прибаутки: «Когда мы были пионерами, нам говорили о том, как хорошо будет жить в будущем, а сейчас, когда прошли пионерские годы, я вспоминаю, как хорошо мы жили, когда были пионерами»). Все относительно в этом мире, в зависимости от того, какие истины становятся ценными, а какие ценности — истинными.

Русская свободомыслящая интеллигенция рождалась в условиях тайных масонских лож, прививая русскому обществу западноевропейские (так называемые общечеловеческие!) идеалы, и теряя (уничтожая!) идеалы национальные, что, как правило, приводило к социальным катастрофам — опричнина, Великая Смута, Февральская и Октябрьская революции, крах СССР...

А вот и итог. *«В 1756 году руководитель Тайной канцелярии А. И. Шувалов приносит царице показания Олсуфьева о прусской масонской ложе «Молчаливость» в Петербурге, в которой числилось 35 представителей лучших княжеских и дворянских родов, а также лучшие представители русской интеллигенции первой волны: драматург Александр Сумароков, историки Михаил Щербатов, Иван Болтин, Федор Дмитриев-Мамонов...».*

Исследуя этот список, мы обнаруживаем, что этот тайный масонский политический клубок объединяла не только идеология, но и близкие родственные связи, и целью его, как выясняется, была не только и, вероятно, не столько просветительская деятельность (которая на самом деле служила мощным идеологическим щитом), сколько влияние на государственное управление и даже захват власти в империи. Из тридцати пяти членов масонской ложи «Молчаливость»

(в которой почему-то были и совершенно случайные люди из круга, далекого от аристократического), созданной братьями Воронцовыми по проекту прусского короля Фридриха, который ставил перед собой задачу расчленения великой России, мы можем выделить в отдельную строку следующих «братьев-масонов», которые и на самом деле приходились друг другу ближними и дальними родственниками: Петра Александровича Бутурлина (женатого на Марии Романовне Воронцовой); Михаила Ивановича Дашкова (женатого на Екатерине Романовне Воронцовой); Сергея Никитича Трубецкого, матью которого была Анастасия Гавриловна Головкина (его племянник Сергей Петрович Трубецкой, тоже масон, был впоследствии одним из руководителей восстания декабристов).

А также тех, кто был в родстве с первыми лицами империи: Федора Ивановича Дмитриева-Мамонова (дядя которого, Иван Ильич Большой, был женат на царевне Прасковье Иоанновне, сестре императрицы Анны Иоанновны); Сергея Калининовича Пушкина (родной брат которого — Иван — был женат на дочери светлейшего князя А. Д. Меншикова Татьяне), Федора Сергеевича Голицына (матью которого была Прасковья Федоровна Головина, а женой — Анна Григорьевна Чернышева, дочь Петра I) и его брата князя Алексея Сергеевича [хотя, по нерасшифрованным инициалам в списке, это мог быть и князь **Алексей Борисович Голицын** (30 июня 1732–9 ноября 1792) — генерал-майор, первый русский мартинист; брат князя Владимира Борисовича Голицына, женатого на Наталье Петровне Чернышевой, дочери Петра Григорьевича, внучке царя Петра. Князя Владимира Борисовича и Алексея Борисовича Голицыны родились в семье адмирала князя и Екатерины Ивановны Стрешневой, внучки и единственной наследницы первого московского губернатора Тихона Стрешнева, родного отца царя Петра. Отец братьев Голицыных был внуком князя Б. А. Голицына,

дядьки Петра I, а мать приходилась племянницей знаменитому князю Вас. Лук. Долгорукому, казненному Анной Иоанновной за попытку незаконно овладеть российским тронем].

У самого Ягужинского было большое семейство от двух его жен. Хитрово родила ему Екатерину, Наталью и Прасковью. Наталья, как мы знаем, стала Головиной. Екатерина — Лопухиной (замужем за Василием Абрамовичем Лопухиным, племянником царицы Евдокии Лопухиной, первой жены царя Петра I). Прасковья — княгиней Гагариной (ее муж князь Сергей Васильевич, впоследствии сенатор, начинал свою придворную карьеру с того, что был камер-юнкером при дворе правительницы Анны Леопольдовны, а 10 марта 1742 года назначен камергером к герцогу Голштинскому Петру-Ульриху, вскоре объявленному наследником русского престола).

Граф Павел Иванович Ягужинский

Вторая жена Ягужинского — графиня Головкина — родила Сергея Павловича, который в первом браке был женат на Анастасии Ивановне Шуваловой (родной сестре Ивана Ивановича Шувалова, фаворита императрицы Елизаветы Петровны, основателя Московского университета и Академии художеств, масона), Марию Павловну Ефимовскую (породнившуюся с прибалтийской родней императрицы Екатерины I) и Анну Павловну — супругу графа Петра Федоровича Апраксина, родного брата фельдмаршала, масона Степана Федоровича, о прямой предательской деятельности которого на этом посту в период Семилетней войны имеются серьезные доказательства:

Генерал-фельдмаршал Степан Федорович Апраксин

«Страшным преступлением масонов против России были их интриги во время Семилетней войны. Я, конечно, далек от мысли сводить все перипетии этой войны к масонским интригам, но главное налицо — совершенно очевидно имел место факт предательства, а инфраструктурой этого предательства послужило масонство, закулисные махинации которого перечеркнули славные победы русских войск.

Ко времени Семилетней войны германский император, король прусский, герцог Брауншвейгский, Гольштейн-Бекский и некоторые другие владетельные особы были руководителями немецких масонских лож. Соответственно к масонским ложам принадлежали и дворы этих особ, и главные политические и военные деятели. Как свидетельствуют архивы, все эти люди по своим масонским каналам были тесно связаны с молодым русским масонством и всячески опекали его. Сложилась система неформальных связей, которая для многих русских масонов становилась предпочтительнее, чем служение Родине и ее интересам.

Проследивая эти связи, прежде всего следует отметить, что наследник русского престола, будущий император Петр III, был членом немецкой масонской ложи и горячим поклонником ее гроссмейстера, прусского короля Фридриха II.

Большое количество масонов подвизалось в штабе и среди ведущих военачальников, направленных в Восточную Пруссию для борьбы с Фридрихом II, и прежде всего в окружении фельдмаршала Апраксина, а позднее и главнокомандующего масона В. В. Фермера: генералы братья Ливены, П. И. Панин, З. Г. Чернышев, волонтеры князь Н. В. Репнин, граф Я. А. Брюс, граф Апраксин и др. Усилилось влияние масонства и в окружении самой императрицы. В частности, с 1758 года великим канцлером России

становится масон М. И. Воронцов, родной брат руководителя масонской ложи “Молчаливость”.

Достаточно сказать, что в разгар Семилетней войны в Восточной Пруссии в Кенигсберге действовала ложа “Три Короны”, возглавляемая прусским чиновником Шредером. В эту ложу входили многие русские офицеры, воевавшие в Восточной Пруссии. Изменнический характер этой ложи состоял хотя бы в том, что она подчинялась Великой Ложе “Трех Глобусов”, Великим Мастером которой был прусский король Фридрих II.

19 августа 1757 года у Гросс-Егерсдорфа произошло первое крупное сражение между русскими войсками, которыми командовал фельдмаршал Апраксин, и прусской армией. В результате упорных боев русские вынудили пруссаков к беспорядочному бегству. Прусская армия была разгромлена, потеряв семь с половиной тысяч убитыми и ранеными. Для русских появилась возможность беспрепятственного продвижения в глубь Пруссии на Кенигсберг. Однако главнокомандующий Апраксин остановил преследование разбитой прусской армии, а затем приказал своим войскам отойти в Литву и Курляндию, безосновательно ссылаясь на недостаток продовольствия и распространение болезней в русских войсках.

Среди русских офицеров все это вызвало волну негодования. Вот что пишет участник этой битвы А. Т. Болотов: “Молва носилась тогда в армии, что многие будто и представляли, что учинить за неприятелем погоню и стараться его разбить до основания; так же будто советовали фельдмаршалу и со всею армиею, не медля ничего, следовать за бегущим неприятелем. Но господином Ливеном (масоном — О. П.), от которого советов все наиболее зависело и которому, как мы после уже узнали, весьма неприятно было уже и то, что нам... удалось победить неприятеля, сказано будто при сем случае было, что ‘на

один день два праздника не бывает, но довольно и того, что мы и победили”.

“Фельдмаршал наш, — писал в другом месте Болотов, — в донесении своем ко двору о сем происшествии, старался колики можно скрыть и утаить свою непростительную погрешность <...> Превозносил храбрость и отважность пруссаков до небес и утаивал совершенно то обстоятельство, что из армии нашей и четвертой доли не было в действительном деле, а что все дело кончили не более как полков пятнадцать, прочие же все стояли, поджав руки и без всякого дела за лесом.

<...> Старался все заглушить приписыванием непомерных похвал бывшим при сражении волонтерам князю Репнину, графу Брюсу, графу Апраксину, капитану Болтингу (все имена масонов — О. П.) <...> За предательское поведение фельдмаршал Апраксин был арестован и предан суду. Новый главнокомандующий немедля двинул войска в Германию. 11 января 1758 года был взят Кенигсберг, его власти и жители присягнули Елизавете. К концу января вся Восточная Пруссия находилась в руках русских войск.

Но и в этой кампании проявлялось вмешательство масонов. При взятии Кенигсберга масонская ложа ‘Три Короны’ обратилась по масонским каналам к русскому командованию с ходатайством пощадить их город и не разрушать его как военную крепость. Ходатайство было удовлетворено.

Несмотря на масонские интриги и недоброжелательную политику западноевропейских держав, русские войска наголову разгромили пруссаков и в сентябре 1760 года вошли в столицу Пруссии Берлин. Однако вскоре они были отозваны оттуда, в связи с чем кампания 1760 года оказалась как бы безрезультатной. Отряд войск, занявших Берлин, возглавлял тогда, в частности, старый масон З. Г. Чернышев. Возможно, это также может послужить

ответом на вопрос, почему русские покинули Берлин”» (О. Платонов. *Терновый венец России*. М., 2000).

Но все это произойдет уже к концу царствования императрицы Елизаветы Петровны, когда масонское лобби России займет все ключевые позиции в государстве и совершит очередной государственный переворот, возведя на российский трон императрицу Екатерину II и физически уничтожив законного императора Петра III Федоровича.

Гавриил Головкин, отец второй жены Павла Ягужинского, был первым в отечественной истории канцлером Российской империи (с 1717 года — президент Коллегии иностранных дел). О его моральном облике сообщает родной внук, граф Федор: *«В повторявшихся часто оргиях Петра I его великий канцлер играл большую роль. Об этой части истории трудно говорить, не нарушая приличия, но она слишком интересна, чтобы совсем обойти ее молчанием. Регламент этих оргий требовал, чтобы вокруг стола проносили живое изображение бога садов, и никто из вельмож не оказался более подходящим для этого, как мой прадед. В тот момент, когда процессия трогалась с места, две дамы, из коих одна всегда была 2-жа Чернышева, мать двух фельдмаршалов, брали обеими руками большое золотое блюдо, на которое великий канцлер клал необходимые атрибуты богатства, после чего начиналось шествие с пением подходящих к случаю гимнов и возлиянием меда».*

Головкин оказал необходимое содействие Анне Иоанновне при восшествии ее на трон: *«Родившись сыном бедного дворянина, владевшего в Алексинском уезде всего пятью семействами крепостных, Головкин достиг графского достоинства двух империй и сделался владельцем 25 000 крестьян»*, — резюмирует головокружительную карьеру петровского канцлера П. В. Долгоруков.

И если уж канцлер Головкин сумел сделать головокружительную карьеру своему зятю Ягужинскому, то для родного

сына он постарался еще больше: *«Любимец своего отца, — вспоминал о дяде Ф. Г. Головкин, — очень красивый и прекрасно воспитанный, младший из трех братьев, Михаил имел быстрый и блестящий успех. Назначенный в молодые годы посланником в Берлине и в Париже, он скоро вернулся оттуда, чтобы занять место вице-канцлера или министра иностранных дел под руководством отца. Его женили на Екатерине, последней представительнице древнего рода Ромодановских и двоюродной сестре по своей матери, великой княжны, а впоследствии императрицы, Анны. Ее отец был известен под названием “князя-кесаря”, потому что он занимал трон каждый раз, когда Петр I жаловал самому себе чины и награды, которые он, по его мнению, заслужил перед государством».*

Но взлет его политической карьеры пришелся на правление Анны Леопольдовны, когда он принял должность вице-канцлера империи и предложил правительнице заточить царевну Елизавету в монастырь.

За это он и поплатился головой: его должны были обезглавить, но на эшафоте смертную казнь заменили ссылкой в Якутию, где он через 13 лет и умер. Жена, урожденная княгиня Ромодановская, дочь «папы-кесаря», добровольно последовала в ссылку за мужем, за что была лишена всего своего имущества и возвратилась в Россию после смерти мужа, уже при Екатерине II, привезя его прах в Россию.

Павел Ягужинский умер в 1736 году, поэтому его не коснулись новые политические перипетии, жертвами которых оказались его ближайшие родственники. Вот, в частности, как сложилась дальнейшая судьба его собственной жены: *«Вдова графа Ягужинского, урожденная княжна Анна Головкина, была одной из самых умных и приятных женщин своего времени. Внешне некрасивая, отмеченная оспой, она была статной, высокой, щегольски одевалась и блистала изящными манерами; она была знатной дамой с ног*

до головы. Ссылка ее брата, графа Михаила Головкина, которого, как и его добродетельную жену, она нежно любила, разбила ей сердце; надеясь быть полезной брату и невестке, в 1742 году она вышла замуж за графа Михаила Бестужева-Рюмина, старшего брата канцлера, большого придворного интригана» (П. В. Долгоруков).

И попала таким образом в самый эпицентр политической борьбы.

Мы в данном случае несколько нарушаем хронологию событий, связанных с дворцовыми заговорами российских масонов, так как первоначально следует дело камчатских ссыльных Квашнина-Ивашкина с его поделчиками Турчаниновым и Сновидовым, которое открывало эру правления Елизаветы Петровны и происходило в 1742 году.

Царица Евдокия Лопухина

И для этого есть особые причины, корни которых уходят в далекое прошлое, в самое начало XVIII столетия, когда царь Петр I, сгорая страстью по проживающей в Немецкой слободе Анне Монс, которую в качестве своей собственной любовницы грамотно подложил под царя (который был большой любитель чужих любовниц) его ближайший друг и соратник Лефорт, и желая быть только с ней, обрекает на заточение в монастырь свою законную жену Евдокию Лопухину, мать своего сына, царевича Алексея Петровича. Почти десять лет своей жизни провел царь с «Кукуйской царицей» и даже собрался на ней жениться, как случилось непредвиденное: 11 апреля 1703 года после обильного традиционного возлияния по случаю ремонта царской яхты утонул в Неве саксонский посланник Ф. Кенигсек. Утонул, вероятно, не случайно (Анну Монс ненавидел князь Меншиков): в его бумагах (которые каким-то образом сразу же оказались у князя, хотя сам труп был обнаружен только осенью) были найдены любовные письма от Анны и ее медальон. Этот роман, оказывается, длился уже пять лет. Случайного здесь, конечно же мало: чужих любовниц шпионы использовали в своих целях всюду и всегда, и саксонский посланник не был исключением из этих правил.

Анна Монс. Неизвестный художник. Предполагаемый портрет.

Петр I не казнил Анну, хотя и отдалил ее от себя навсегда и отдал под надзор князя Ромодановского, главы Преображенского приказа. Он казнил единственную свою любовницу — Гамильтон, но вовсе даже не за измену, которая имела место быть, а за то, что мадемуазель Гамильтон посмела избавиться от плода, который был результатом любовной связи с монархом.

*Павел Сведомский. Мария Гамильтон перед казнью. 1904.
Омский областной музей изобразительных искусств
им. М. А. Врубеля*

«Кукуйская царица» хотя и переживала опалу, но и в этой своей роли не прекращала интересоваться спецслужбы иностранных государств. Неожиданно уже в 1704 году на ней возжелал жениться прусский посланник Георг-Иоанн фон Кейзерлинг, но дело кончилось скандалом, о котором сам посланник позже докладывал своему королю (сильно, как мне кажется, при этом привирая о своем собственном героизме):

Ваше королевское величество соблаговолит припомнить то, что почти всюду рассказывали в искажённом виде обо мне и некоей девице Монс, из Москвы — говорят, что она любовница царя. <...> Когда же я обратился к царю с моей просьбой, царь, лукавым образом предупредённый князем Меншиковым, отвечал сам, что он воспитывал девицу Монс для себя, с искренним намерением жениться на ней, но так как она мною прельщена и развращена, то он ни о ней, ни о её родственниках ничего ни слышать, ни знать не хочет. Я возражал с подобающим смирением, что его царское величество напрасно негодует на девицу Монс и на меня, что если она виновата, то лишь в том, что, по совету самого же князя Меншикова, обратилась к его посредничеству, исходатайствовать у его царского величества всемилостивейшее разрешение на бракосочетание со мной; но ни она, ни я, мы никогда не осмелились бы предпринять что-либо противное желанию его царского величества, что я готов подтвердить моей честью и жизнью. Князь Меншиков вдруг неожиданно выразил своё мнение, что девица Монс действительно подлая, публичная женщина, с которой он сам развратничал столько же, сколько и я. <...> Тут я, вероятно, выхватил бы свою шпагу, но у меня её отняли незаметно в толпе, а также удалили мою прислугу; это меня взбесило и послужило поводом к сильнейшей перебранке с князем Меншиковым. <...> Затем вошёл его царское величество; за ним

посылал князь Меншиков. Оба они, несмотря на то, что Шафиров бросился к ним и именем Бога умолял не оскорблять меня, напали с самыми жёсткими словами и вытолкнули меня не только из комнаты, но даже вниз по лестнице, через всю площадь (Люблин, 1707 года, 11-го июля н. ст.).

Был международный скандал. Перед посланником не только извинились, но и казнили двух замешанных в скандале гвардейцев. Фон Кейзерлинг женился на Анне Монс, но как-то очень быстро, буквально через несколько месяцев после этого, умер. Ненадолго пережила его и «молодая» жена — в 1714 году она умерла от скоротечной чахотки.

Казалось бы, можно поставить точку в этой грязной истории. Но, оказывается, на самом деле история только еще начиналась.

Старшая сестра Анны, Матрена (Модеста) Монс успела удачно выскочить замуж в период политического взлета сестры в 1699 году — ее избранником (по воле самого царя Петра) был потомок лифляндских дворян фон Балкен, который на русской службе стал генералом Фридрихом Балком («любимым полковым командиром царя»), а его жена соответственно — «Балчихой». Но за пособничество любовной связи сестры с саксонским посланником Матрена была на три года посажена в тюрьму. А еще через несколько лет она настолько сблизилась с будущей императрицей Екатериной, что заслужила не только прощение, но приобрела заново и расположение царя, который определил ее ко двору Екатерины в качестве статс-дамы, а ее детей — Петра и Якова — сделал камер-юнкерами императрицы.

А распорядилась она всем этим совершенно по-своему, сделав любовником еще не вдовствующей императрицы своего родного брата — Вильяма, который настолько хорошо пристроился при императрице, что завел даже собственного секретаря Егора Столетова, который брался решать через фаворита любые государственные назначения.

Вильям Монс был принят на русскую службу по протекции прусского посланника, своего нового родственника — фон Кейзерлинга. В 1707 году, после известного скандала, Кейзерлингу не стали отказывать в такой мелочи, как определение на службу Вильяма Монса. Но в 1711 году он уже лейтенант лейб-гвардии Преображенского полка и адъютант Петра I. А в 1716 — камер-лакей императрицы Екатерины Алексеевны, управляющий всеми ее делами, в том числе и постельными.

Вильям Монс

Я думаю, что прусские спецслужбы приложили к этому свою руку — и семья Монс-Балк снова прочно укрепилась при троне.

А погубила фаворита жадность. Жадность даже не его самого, а доверенных его лиц — секретаря Егора Столетова и шута императора Ивана Балакирева, которые брали сумасшедшие взятки со всех, кто хотел заручиться поддержкой будущей самодержицы и ее фаворита, с нетерпением ожидая кончины самого Петра I.

За эту жадность, названную в приговоре «экономическими преступлениями», чтобы оправдаться в общественном мнении и не выглядеть рогоносцем (хотя это было для всех очевидным), царь велел отрубить Вильяму Монсу голову. Этому ему показалось мало — и он привез свою супругу на место казни, чтобы полюбоваться произведенным эффектом. Отрубленную голову Монса вместе с головой казненной Марии Гамильтон Петр хранил в банке со спиртом в Кунсткамере. Царь оказался настолько взбешен этой изменой, что был на грани расторжения брака и лишения Екатерины короны. Но его сумели отговорить.

Зло было вымещено на Балкше — ее наказали кнутом и сослали «навечно» в Тобольск. Были разжалованы из дворовых чинов ее дети и сосланы в армию. Наказаны кнутом и сосланы Столетов и Балакирев.

Но шел 1724 год. До смерти Петра оставались считанные дни.

«...теперь она желала смерти человека, который вытаскил ее из грязи и возвел на трон: она пребывала в опасении, что возобладает Петр над своей болезнью и останется он жив, то после замужества своих дочерей он мог бы сослать ее в монастырь; к тому же после истории с Монсом ее личная жизнь стала невыносимой... Менишков, ее старший покровитель, оставался самым верным другом и советником, но и он тоже впал в немилость; так что

стали поговаривать о его неминуемом падении. Таким образом, и Екатерина, и Меншиков, оба считали дни до кончины своего благодетеля и всеми помыслами призывали его скорую смерть. <...> Во время болезни и Екатерина и Меншиков остерегались говорить ему о серьезности его состояния (зная, что Петр не любил принимать лекарств — С. В.) и побуждали скрывать свое недомогание. Они не подпускали к смертному одру никого, кроме своих сторонников. Только за несколько часов до смерти Петр осознал неизбежность близкого конца. Он послал за царевной Анной, но еще до того, как она пришла, потерял дар речи. Когда Анна вошла, он указал ей на аспидную доску, находившуюся в изголовье. Она схватила доску и приготовилась записать последнюю волю отца, но у него хватило сил пробормотать: “Я все оставляю...”, как он потерял сознание и началась агония... Меншиков окружил дворец войсками и пушками, и Екатерина взошла на трон...» (П. В. Долгоруков).

Модесту-Матрену Балк Екатерина успела вернуть с полпути, но прожила она уже недолго.

Поэтому следующую страницу в этой истории открывает уже второе поколение потомков цирюльника Монс.

Его внучка — Наталья Федоровна Балк — стала членом семьи Лопухиных еще до известного в истории дела царевича Алексея Петровича и его матери Евдокии Лопухиной по инициативе самого Петра I, когда двоюродный брат царицы — Степан Васильевич Лопухин — ходил еще в любимцах царя.

А вот последующая интерпретация судеб людей, которые должны были бы ненавидеть друг друга:

«Вернувшись в Россию еще совсем юной (до 1718 г.), она вышла замуж за Степана Васильевича Лопухина, человека во многом для нее подходящего и не склонного стеснять свою жену. Она сохранила свою лютеранскую веру, язык, привязанность ко всему немецкому, старые семейные и дружеские связи и даже известную свободу в обращении с приятелями, стяжавшую ей репутацию неверной жены. В XVIII столетии супружеская верность была далеко не распространенной добродетелью, и семья, в которой она отсутствовала, часто оказывалась прочно связанной либо сословными и служебными интересами, либо расчетом, либо политическими партийными соображениями. В этом смысле семья Лопухина являлась союзом, где соединился представитель старинной русской знати с выскочкой из пришедшей немецкой семьи, влиятельной при дворе в целях преуспевания при нем. Впрочем, вскоре их объединило общее чувство ненависти к Петровскому правительству. Сначала не поздоровилось Лопухиным. Родственники опальной царицы вообще были не в милости и не в чести. Замыслы и поведение царевича Алексея, следствие и суд над ним, его сторонниками и родными ослабили значение Лопухиных еще более, но все же оставались лица, думавшие, что когда-нибудь и на стороне теперь опальной семьи будет сила и влияние. В 1719 году семью Степана Лопухина постигло личное несчастье. Его торжествующий вид и смех во время богослужения по случаю смерти царевича Петра Петровича был причиной ссылки его с женой и детьми в Кольский

острог. Суровой зимой (в январе-феврале 1720 г.), без всякого промедления, с малолетними детьми пришлось Наталье Федоровне скакать за мужем по пустыням нашего севера до далекой Колы, а в ней влачить день за днем жалкое бесправное существование политически ссыльной, которую предписывалось, как это подчеркнуто в указе Степану Лопухину, содержать так, “как и прочих таковых ссыльных людей”. Наталия Федоровна видела унижение мужа, которого дважды “били нещадно батоги”, притеснения и лихоимство сторожей. В ужасной обстановке и сам муж ее бил, буянил и ссорился с жителями острога и с местными властями, вызывая общую вражду и нелюбовь. Было место и для зависти, так как Лопухины сохранили свое имущество и могли жить даже в ссылке, материально ни в чем не нуждаясь, конечно, насколько это позволялось Кольским захолустьем. К их счастью, ссылка тянулась не долго. Монсы и Балки помогли Лопухину выбраться сначала в его деревни, а потом и в Москву, средоточие всех пострадавших и потерпевших неудачу в Петербурге. В 1723 году Лопухин находил смелость ходатайствовать за своих родных перед Вилимом Монсом. При Екатерине I пошатнувшееся было от расправы Петра положение новых людей опять окрепло: братья Балки были в фаворе и силе, а за них держались и Лопухины. Еще более благоприятны были для них вступление на престол Петра II и возвышение всех его родственников, к которым причислялась и семья Степана Лопухина. Сенатским указом от 21 июля 1727 г. его вернули из ссылки в Петербург. Император не только допустил Лопухиных ко двору, но возвел Степана Васильевича в звание камергера. Недавно опальную и обездоленную семью ожидали ласки и милости. Счастье, впрочем, вернулось ненадолго. Молодой император умер, и Лопухиным пришлось принять участие в глухой борьбе между наследниками Петра и Иоанна. Впрочем, направление было ими уже

давно избрано: Монсы, Балки и т. п. естественно влекли их к Левенвольде, Остерману и т. п. Еще юношеская приближенность Наталии Федоровны к царевне Екатерине Иоанновне и гонения, вынесенные ей от Петра, делали для нее Анну Иоанновну самым желательным кандидатом из всех существовавших, и, должно быть, она много постаралась в ее пользу, особенно в дни утверждения императрицы в самодержавии. В числе первых лиц, получивших милости от нового правительства, видим и Лопухину. 6 марта одновременно с А. Ягужинской она удостоивается чести быть возведенной в статс-дамы императрицы. Впрочем, в начале этого царствования семья Лопухиных теряется в толпе придворной знати Анны Иоанновны; но с течением времени картина меняется, и в конце царствования Лопухины делаются сильны и влиятельны. В этой счастливой перемене преимущественное значение имела Наталья Федоровна, которая и по симпатиям, и по родству принадлежала к немецкой партии, поддерживавшей, сообразно обстоятельствам, то Миниха, то Остермана, но неуклонно соблюдавшей личные интересы. В особенно близких и сердечных отношениях была она с графом Карлом Рейнгардтом Левенвольде, известным в русских источниках под именем Левольда. Благоволение немцев и умелое лавирование среди их же счетов дали Лопухину возможность получить должность крисккомиссара по морской части (указ Сената 11 сентября 1740 г.) в ранге вице-адмирала и с правом присутствия в Адмиралтейств-коллегии (указ 2 октября 1740 г.). Лопухин делается "персоной", и вместе с тем жена его становится влиятельной особой, статс-дамой, патронессой, у которой многие заискивают. Уже в эту пору XVIII ст. женщины часто вмешивались или непосредственно личным влиянием, или через посредство близких к ним почему-либо лиц в дела государственные, особенно внешние, и Лопухина

хотела быть такой дамой. Конечно, для нее главное было личное преуспевание, но если помогали ей, то, надо думать, и от нее ждали того же; и не только ждали, но порой и получали: она была членом немецкой партии, она прятала и хранила вещи впавшего в немилость и сосланного Левенвольде, она близко сошлась с имперским послом маркизом Ботта-д'Адорно, искавшим лиц, у которых можно было разведать что-либо для осведомления своего двора о делах России. Вряд ли Лопухина могла быть кому бы то ни было солидной поддержкой в серьезных предприятиях, вряд ли даже могла дать нужное и полезное сообщение о чем-либо важном для иноземного посла, но и немецкие интриганы из русских подданных и такие же иностранные подданные могли быть осведомлены о многих делах даже государственной жизни, уже не говоря об интересовавших их подробностях придворной, благодаря болтливости и неосмотрительности этой словоохотливой и ничем не связанной с интересами России жены русского вельможи, и в общем стремлении партия Лопухина могла быть и полезной, и ценной, и даже незаменимым сотрудником» (Фурсенко В. Лопухина, Наталья Федоровна // Русский биографический словарь. Санкт-Петербург, 1914. Т. 10).

Лопухиных, скорее всего, разыграли в темную, как позже это случится с фельдмаршалом Степаном Апраксиным.

У Елизаветы Петровны были личные причины ненавидеть Наталью Федоровну — за слухи о том, что настоящим отцом Елизаветы Петровны был Вильям Монс.

А ближайшей подругой Лопухиной, как известно, была жена брата канцлера Бестужева, который представлял для русской партии прусского короля Фридриха самую страшную опасность.

И масоны, конечно же, не посмотрели на то, что жена брата канцлера была и их собственной родней: только власть представляла в их глазах истинную ценность, ради которой

можно было пойти на все — и на любую низость, и на любую подлость. Кровное родство было только политическим средством для достижения главной цели, а вовсе даже не духовным единством, не духовным родством.

А ситуация складывалась следующим образом, как сообщает «Русский биографический словарь»: оказавшись после падения Анны Леопольдовны в политической изоляции, *«на всякий случай Лопухины отправились на поклон к «богу всех немцев на Руси» — к Лестоку: прием был по внешности любезный, но по существу более чем сухой, и не лучше Лестока отнесли к людям в немилости и другие вельможи. Путь заискиваний у новой власти оказывался непроходимым, и после окончательного переселения Степана Лопухина в Москву и он, и жена его (оставшаяся с сыном Иваном в Петербурге) начинают удаляться от двора и занимать опасное положение лиц, враждебных существующему правительству. Их отношение к нему, ядовитые замечания о характере жизни и двора Елизаветы, ее министров и приближенных обращают на себя внимание зорких наблюдателей русской жизни, и когда одному из них, французскому уполномоченному в делах Д'Аллиону, удалось увидеть на свадьбе гр. Ягужинской с М. П. Бестужевым сборище этой оппозиции императрицы, в его голове явилась комбинация интриги, приведшая к возникновению дела о злоумышлении Ботты-Лопухиной. Корни этого дела, погубившего Лопухину, ее семью и массу собственно ни к какому преступлению не причастных людей, находятся и среди придворных отношений, и в счетах дипломатов между собой, и в происках держав, желавших свалить ненавистного многим из них вице-канцлера гр. А. П. Бестужева-Рюмина. Русский вице-канцлер был особенно неудобен и нежелателен для Франции и Пруссии. Его политическая деятельность, направленная к умалению влияния Франции в Турции и Швеции и к сокращению сил*

«скоропостижного» прусского короля, с каждым месяцем становилась определеннее и решительнее. Ни уговоры, ни интриги, ни подкупы не помогли: вице-канцлер на уступки не шел — приходилось его убрать прочь от власти путем хотя бы преступления. Но в XVIII веке предпочитали всему хорошую придворную интригу; при русском дворе в интриганах недостатка не было, а так как ловкость и чистота поведения самого Бестужева делали невозможным прямое нападение на него, то нужно было найти лиц, связанных с ним какими-либо узами, и через них добраться до ненавистного и могущественного врага. Этими лицами — жертвами политической интриги — и стали Лопухины и Ягужинская. Поймать их в “преступлении” не было трудно. Вряд ли для кого из мало-мальски знакомых с ними людей было тайной их недовольство новыми порядками, их сожаление к павшей правительнице и благожелательство ко всем окружавшим ее лицам. Хорошо знали и все те злые словечки и скандальные анекдоты, которые рассказывались в этом враждебно настроенном кругу об императрице и ее любимцах; а порассказать было что. Все же это, в житейском обиходе принимаемое за пустую болтовню, злую светскую сплетню, в серьезном судебном разбирательстве сразу обращалось в тяжкое государственное преступление — поношение Высочайшей Особы Государя и злоумышление против Верховной Власти.

Международная организация, поставившая себе целью низложить Бестужева и работавшая для этого при всех крупных европейских дворах, в июне нашла, как ей казалось, зацепку, ухватившись за которую, можно было “кувыркнуть”, по выражению Фридриха, братьев Бестужевых. В июне 1743 года в Берлине появился цесарский министр маркиз Антон Отто Ботта-д’Адорно, дважды проживавший до того в России (с 1739 по 1742 год). По его уверениям, правительство добродушной и мягкосердечной Елизаветы

Петровны не могло прочно установиться в России и вскоре должно было смениться партией Иоанна, сторонники которого рассчитывали вполне насладиться властью за время долгого регентства, установленного ими по случаю малолетства императора. К рассказам Ботты прислушивались. Он уверял, что у него в России много друзей, знатоков края, и все они ждут несомненно торжества партизанов Брауншвейгской фамилии. Французский министр в Берлине маркиз Валори не только слушал все это, но и замечал. Замечания же свои в том же июне 1743 г. переслал в Петербург и посоветовал проживавшему там уполномоченному в делах Франции, Д'Аллиону, принять к сведению рассказы Ботты. Сопоставив их со своими наблюдениями на свадьбе гр. Ягужинской и поделившись мыслями с Лестоком, д'Аллион и его друг были вполне подготовлены придать Лопухинскому делу соответственный характер государственного преступления. В этом к ним всецело примыкал прусский посланник в России барон Мардефельд. Они довольно быстро сообразили, что друзья Ботты, о которых он так смело болтал в Берлине — его российские знакомые, которых он посещал, проживая в Петербурге и Москве; при господствовавшей же тогда системе внимательно наблюдать за всеми, кого посещали иностранные министры, легко было узнать, что в числе немногих домов, где бывал Ботта, находились Лопухины и Ягужинская».

А далее нужен был только повод. И таким образом мы знакомимся с нашим главным героем — подполковником Иваном Степановичем Лопухиным, благодаря которому чуть было не удался первый акт новой российской трагедии — низложение канцлера Бестужева:

«Лопухинское дело началось извещением: к Лестоку явился его клиент и креатура — курляндец, поручик кирасирского полка Яков Бергер и заявил, что знает некоторые важные

дела, касающиеся Высочайшей персоны императрицы и государства. Расспросив доносчика, Лесток нашел возможным дать делу дальнейший ход. Есть подозрения, что Бергер, а позднее другой доносчик в том же процессе, майор Фалькенберг действовали не по собственному почину, а были заранее подговорены и соответственно подготовлены Лестоком с его присными. Они должны были подпоить Ивана Лопухина и путем ряда ловких вопросов вынудить у него нужные им признания. Даже по допросным речам видно, что если не первый разговор Лопухина с Бергером, то второй, во всяком случае, был умышленно им вызван. По другой версии Бергер явился к Лестоку с изветом на Ивана Лопухина, желая избежать назначения в Соликамск. Его посылали туда в качестве начальника караула к ссыльному приятелю Натальи Федоровны — гр. Левенвольде, и она имела неосторожность передать Бергеру через сына для Левенвольде поклон, уверенность в неизменной верности и совет не отчаиваться, но твердо надеяться на лучшее будущее. Кроме того, Иван Лопухин, надеясь через Бергера вступить в какие-либо сношения с Левенвольде, ухаживал за ним и угощал его. Но молодому кирасирскому поручику, любившему веселую столичную жизнь и желавшему делать карьеру, вовсе не улыбался Соликамск и его радости, поэтому он решился, донеся на Лопухина, одним ударом избежать нежелательной командировки и подвинуться по службе. Ему не стоило большого труда устроить так, чтобы услышать от подвыпившего и обиженного собеседника то, на что он рассчитывал и что, кроме Лопухина, говорили между собою шепотком очень и очень многие среди обитателей обеих столиц. По мнению Лопухина, при Елизавете жилось не так весело, как прежде, а особенно порядочным, достойным людям. Вот каналья Сиверс и Лялин благодумствуют: произведены в чины и только за одно скверное дело. Елизавета Петровна ездит в Царское Село, напивается пьяной, любит английское пиво и для того

берет с собою непотребных людей. Ей и наследницею быть не надлежало потому, “что-де она незаконнорожденная”, и потом, по словам Бергера, Лопухин, ссылаясь на свидетельство фельдмаршала князя Долгорукова, рассказывал, что “в то время, как Император Петр Второй скончался, хотя б-де и надлежало Ее Величеству к наследству допустить, да как Ее брюхатую избрать”. Эта часть доноса составлена была явно в расчете лично задеть очень чувствительную к нападкам Елизавету Петровну. Надо отдать справедливость обвинителю в умении и ловкости: по резкости и по меткости выражений он мог рассчитывать на полный успех. Не менее удачно составлена и вторая часть, бившая тоже по больному месту — о Брауншвейгской фамилии, причинявшей так много волнений, тревог и огорчений правительству и самой императрице. Начиналась она с намека на склонность караульчиков принца Иоанна взять его сторону, затем переходила к поношению лейб-компани, “что-де ей с тремьятами каналиею своею лейб-компанию делать; прежде-де караул был и крепче, да сделали, а ныне-де, как не можно перемене сделаться... будет-де чрез несколько месяцев перемена”. Лопухин был оттого в ней так твердо уверен, что его отец писал Наталье Федоровне, чтобы сын чуждался двора и не искал у государыни милости. По той же причине — ожидания смены правительства — и она, сама Лопухина, не ездила ко двору и не сближалась с новыми вельможами. Эту нерасположенность к императрице и ее близким Лопухин, по наставлениям матери, считал явлением общим для всей родовой старой знати и говорил, что “бóльшие все Ее не любят, за то, что Ее Величество больше любят простой народ, и для того, что и сама просто живет”. Выслушав разглагольствования Лопухина 17-го июля и сообщив о них Лестоку, Бергер решил придать своему извету больше силы, начав соответственный разговор при каком-либо благонадежном свидетеле, а чтобы приучить Лопухина относиться

к нему с доверием и без стеснения говорить об излюбленном предмете, он в несколько приемов при разных случаях заговаривал с ним на эту тему. 22-го июля был особенно удачный день. Лопухин в присутствии Фалькенберга разболтался вовсю сначала у себя на квартире, а потом и у Бергера. Говорил, что плохо быть под бабьим правлением, насмеялся над составом правительства: два-де фельдмаршала и оба глупы. Фалькенберг дополнил показания Бергера и оттенил отзывы его насчет современных министров. Лопухин, по его словам, говорил: “управители-де государственные нынешние все негодные, не так, как прежние были Остерман и Левольд; только-де господин Лесток проворная каналья”. При упоминаниях о “принце Иоанне” Лопухин титуловал его императором и выражал уверенность, что ему будет “король прусский помогать, а наши-де за ружье не примутся”. С предательским коварством Фалькенберг спросил его, скоро ли совершится перемена, и просил Лопухина вспомнить его, когда он будет в силе. Разболтавшийся и подвыпивший человек уверял, что падение нежелательного ему правительства близко, и обещал собеседникам свое покровительство. Фалькенберг вдобавок справился: нет ли кого побольше, к кому бы заранее забежать, “и на то он Лопухин ничего не объявил, только плечами пожался. Он же говорил, что маркиз де Ботта принцу Иоанну верный слуга и доброжелатель”. Лесток, выслушав в частной беседе показания Бергера и Фалькенберга, повез их с собою во дворец, где они в присутствии императрицы повторили свой донос, и Елизавета дала Лестоку разрешение начать аресты и розыск над обвиняемыми. Впрочем, он был несколько отсрочен, так как приготовления к выполнению поручения императрицы, руководимые Лестоком, приняли грандиозный характер. С 21-го июня по городу заходили военные отряды, улицы опустели, и столица притихла, несмотря на то, что императрица, вопреки обыкновению, не поехала в Петергоф, а осталась

в Петербурге. Мало кто знал и догадывался, что скрывается за этими грозными приготовлениями. 21-го июня 1743 г. императрица за собственноручной подписью дала указ генералу Ушакову, князю Трубецкому и Лестоку допросить Бергера и Фалькенберга, дать им подписать запись их показаний “и по тому исследовать, и, несмотря на персону, в комиссию свою забирать и следовать, и что по следствию явится, доносить нам; а для произведения того дела указали мы с вами быть от Кабинета нашего статскому советнику Демидову”. Состав комиссии образовался из начальника Тайной канцелярии, генерал-прокурора Сената, советника Кабинета Ее Величества и “конфидента” — Лестока, попавшего в состав этого чрезвычайного суда вовсе не в силу служебного своего положения — лейб-медика и главного директора Медицинской канцелярии, а только по личному желанию императрицы и по интригам тех, кто через его посредство надеялся свалить Бестужева. В состав этой комиссии должен был попасть и барон Черкасов, но он верно определил фальшь и деланность всего предприятия и сумел уклониться от участия в суде над вымышленными заговорщиками. Душой и руководителем дела для пострадавших от него остались Лесток и Трубецкой. Ушаков занимал в нем место, так сказать, по обязанности службы в качестве начальника Тайной канцелярии, а Демидов был посредником для постоянного осведомления государыни о ходе процесса. Только 25 июля в 4 часа утра Лесток нашел возможным представить указ императрицы в Тайной канцелярии, и в пятом часу утра в Лопухинский дом явились Ушаков с Трубецким в сопровождении гвардии Преображенского полка капитана Протасова. Иван Лопухин был арестован и увезен в Тайную канцелярию, Наталья Лопухина оставлена дома за караулом. Их письма и вещи были опечатаны. Тотчас же по городу разнеслись слухи о происшествии и объяснили причину передвижения военных отрядов и все грозные приготовления

предшествующих дней. Начало дела никого не успокоило. Все знали, что правительство, напуганное предшествовавшими заговорами Ивашкина и Гурчанинова, проявит крайнюю ретивость в исследовании третьего, чтобы навсегда отбить охоту у злоумышленников. Боялись, что повторятся Бироновские дни: по улицам в сопровождении конвойных зашагают “языки” и по их указаниям будут хватать встречаемых знакомых узника. Но эти предположения шли мимо истинных целей заговорщиков Лопухинского дела. Они направляли свои усилия к уловлению Бестужевых и в этом намерении вставили в текст указа слова: “несмотря на персону, в комиссию свою забирать и следовать”; персоны были — вице-канцлер Бестужев и брат его, обер-гофмаршал. Поэтому и все судопроизводство направилось к отысканию связи между заранее признанными виновными Лопухиными и Бестужевыми. Искали лиц, которые могли бы оговорить Бестужевых и дать возможность схватить хотя бы одного из них. Ивана Лопухина по привозе в Тайную канцелярию немедленно подвергли допросу. Его допрашивали о намерении низвергнуть с престола императрицу Елизавету и возвести на него принца Иоанна, о сведениях его, Лопухина, насчет караула при Брауншвейгской фамилии. Отвечал он, как и было на самом деле, что никаких враждебных Елизавете намерений не имел и ничего не затевал, о гарнизоне же ничего не знает. Относительно злословия против императрицы, ее министров и придворных сознался. Рассказал, что к отцу его ездят князь Иван Путятин и Михайло Аргамаков, но не для каких-либо замыслов, а для забавы, в остальных же обвинениях заперся и лишь на вопрос, отчего он не доносил на преступные разговоры с ним Бергера и Фалькенберга, ответил “на оное никакого оправдания приносить не имею и в том виновность”; сознался и в нарушении данной им императрице присяге. После допроса Лопухину дали очную ставку с доносчиками, и ему пришлось целиком подтвердить их показание.

Почва для пыток была расчищена: судьи имели основание подозревать со стороны обвиняемого скрытность и желание обмануть их. 26-го июля доносчиков отпустили, взяв с них подписку под угрозой смертной казни не разглашать о деле, и в тот же день посланы указы в Москву камергеру А.И. Шувалову и А.Б. Бутурлину с приказом арестовать С. Лопухина со всеми его письмами и бумагами и прислать в Петербург, также поступить с кн. И. Путятиным и М. Аргамаковым. Ивана Лопухина привели для второго допроса и, напугав всякого рода окриками и угрозами, получили от него важные по сути дела показания. К его матери в Москве приезжал маркиз де Ботта и говорил, что не прежде будет спокоен, пока не поможет принцессе (Анне Леопольдовне), и что прусский король будет также помогать, о чем он (Ботта) будет стараться. Эти слова сообщила Лопухину его мать, когда у нее была Анна Гавриловна Бестужева, которая при этом заметила: “где это де Ботте сделать?” Подумав же, прибавила: “а может статься”. Легко себе представить, как оживились и обрадовались следователи, услышав фамилию Бестужевой и ее слова, дававшие основание привлечь ее к делу; когда же на вопрос Иван Лопухин сказал, что к Наталье Федоровне ездят в гости не только Анна Гавриловна, но и Михаил Петрович, они считали свою задачу выполненной: Бестужевы попались, Лесток со свойственной ему живостью уже вообразил себе их казнь и рассказывал друзьям о колесовании Алексея Петровича и эшафоте для обезглавления Михаила Петровича, при крайнем снисхождении императрицы, он все же считал Сибирь слишком легким наказанием для таких злодеев. С целью поскорее нанести этот удар, тотчас же после признаний Ивана Лопухина, следователи отправились на дом к арестованной Наталье Федоровне и стали ее допрашивать. Она созналась, что к ней езживал Ботта и говорил с нею об участии Брауншвейгской фамилии и намерении ей помочь, на что она, Лопухина,

из сожаления к принцессе, желая ей свободы и пропуска на родину, умоляла де Ботту “не заваривать каши и не делать в России беспокойств”, а просила, чтобы он и его сторонники “старались бы только принцессу освободить и отпустить ее к деверю”. С такой точкой зрения Ботта не соглашался и твердил, что будет стремиться, чтобы принцессе быть по-прежнему на Российском престоле. По-видимому, лавры Шетарди не давали ему покоя. Лопухина его не поддерживала, но по поводу его слов беседовала с Анной Бестужевой, без какого-либо умысла или намерения действовать, а только для разговора. Да и вообще Лопухина отрицала существование какой-либо русской партии или даже кружка, поставившего себе целью противоправительственную деятельность. Она старалась все свалить на Ботту. Насчет же причин ее расположения к принцессе и недовольства императрицей, Лопухина сослалась на милости первой и на обиды со стороны второй: отнятие деревни, отставку мужа и понижение по службе сына — он больше не камер-юнкер. Что касается мужа, то он ни в каком разговоре не участвовал и вообще чужд всего дела. Экстракты из допросов Ивана и Натальи Лопухиных были отвезены Демидовым императрице, и она приказала графиню Анну Бестужеву арестовать и допрашивать, а мужу ее, графу Михайле Бестужеву объявить ее Императорского Величества указ, чтобы он со двора до указа не выезжал, а письма их запечатать. Бестужева с дочерью были заключены в бывшем дворце Елизаветы близ Марсова поля, а сам Бестужев должен был оставаться в своем приморском дворе безотлучно. Дочь Бестужевой Настасья Ягужинская подтвердила разговор Лопухиных о правительнице в смысле благожелательств и неодобрения существующего правительства. Показания самой Бестужевой были осторожны и неопределенны. Она сознавалась в разговоре с Н. Лопухиной, но отклонила какую бы то ни было причастность к делу М. П. Бестужева.

Следователи относились к ней предупредительно и говорили “Вы” — она была родственницей очень сильных людей. Вечером того же богатого допросами 26-го июля последовал указ: “Ивана Лопухина, мать его Наталью и графиню Анну Бестужеву отослать под караул в крепость”. Смысл указа был очень грозен. При упоминании о крепости бледнели очень храбрые из арестованных, об ужасах ее ходили самые фантастические легенды, и мало кто из попавших туда возвращался в среду живых людей. Путь из нее обычно шел к месту казни на площади или же в такие места Сибири, куда ворон костей не заносил. 27-го следователи допрашивали в крепости Анну Бестужеву о ее разговорах с Лопухиной и о замыслах Ботты, но она не испугалась застенка и, несмотря на увещания, ничего сверх ранее ею показанного не прибавила. От Ботты ничего не слыхала, с Натальею Лопухиной и ни с кем о таких делах разговоров у нее не бывало, и ничего о них она не знает. Зато Лопухина стала разговорчивее. Оказалось, что Ботта и при муже ее поговаривал о принцессе, повел себя очень скрытно и на их выпрашивания отвечал: “чтобы я еще вам русским об этом сказал”, а более настойчивую Наталью Федоровну даже выбрал. Об этих разговорах она беседовала и с Бестужевой. Когда следователи дошли до Ивана Лопухина, то его для вящего устрашения привели к дыбе, и он там начисто подтвердил все, о чем доносил Бергер и Фалькенберг, вплоть до усердного желания быть принцессе Анне и ее сыну на престоле и титулования Иоанна императором. Но так как он решительно не мог указать, когда и с кем хотел выполнить свое злое намерение, то ему предложили немедленно его раскрыть под угрозой жестокой пытки. Напрасно уверял Лопухин, что большие раскрывать ему нечего, напрасно указывал на лиц, имевших неосторожность в разговорах с ним сочувствовать его обиде за понижение, Лиlienфельдов, Зыбина, Мошкова, Камынина, Ржевского; его раздели и подвели к орудиям пытки, и он в страхе

повторил свои показания, приплетая новые подробности: поносительные слова об императрице слышал от родителей; от матери слышал о принцессе Анне, о замыслах Ботты, она же много и часто говорила о том и с Бестужевой; Ботту они хвалили, называли умным... он обещал не жалеть денег, чтобы освободить министров Анны Леопольдовны Остермана, Левенвольде и Головкина; Бестужева говорила Лопухиной: “Ох, Натальюшка, Ботта и страшен, а иногда и увеселит”. 28-го июля дана была очная ставка Наталье Лопухиной с сыном и Бестужевой. 29-го последовал указ о розыске над Иваном Лопухиным: добавочные допросы и очные ставки с лицами, оговоренными Лопухиными, вроде Зыбина, Лилиенфельдов и многих других, были подготовкой к пытке. В ожидании ее разбирались письма, отобранные одновременно у подсудимых. Найдено было среди них четыре, признанных за подозрительные. Два из бумаг Бестужевой, два — от Колычева Камынину, родственнику А. П. Бестужева. По рассмотрении их и допросе оказалось, что к Бестужевой писал М. П. Бестужев и касались письма ходатайств за брата ее — А. Головкина и о деревнях его. Колычев жаловался Камынину на тоску и скуку гарнизонной службы. 7 августа Трубецкому и Лестоку повелено было отобрать портреты императрицы у Лопухиной и Бестужевой, а алмазные вещи их опечатать. 8 августа допросили привезенного из Москвы Путятину. Его показания подтвердили донос Бергера. 10 августа почтмейстеру Ашу приказали задерживать и отсылать в комиссию письма на имя гр. М. Бестужева, его жены, Настасьи Ягужинской, Степана, Наталии и Ивана Лопухиных, камергеров Петра и Якова Балк, а также адресованные Лилиенфельду и князю Гагарину с их женами, гвардии офицерам: Ивану Мошкову, подпоручику Нилу Акинфиеву, адъютанту Степану Колычеву, князю Ивану Путятину, Михаилу Аргамакову, вице-ротмистру Лилиенфельду, обер-штер-кригскомиссару Александру Зыбину

и дворянину Николаю Ржевскому. 10 августа следователи обнаружили, что Иван Лопухин у присяги при вступлении на престол Елизаветы не присутствовал, думая, как он заявил, “что присяга одна и была уже им принесена по вступлении на службу”. 11-го августа приступили к истязаниям, подняли Ивана Лопухина на дыбу и дали 9 ударов кнута. По указу императрицы его спрашивали, что умышлял он против государыни и наследника, кто были его “согласники” в поношении императрицы и “кто был с ним в намерении к измене”. Нового ничего не узнали: Лопухин и так сказал все, что мог. После пытки дали очную ставку с матерью. 14-го августа допрашивали Степана Лопухина, не добавившего ничего нового к показаниям сына и жены; 17-го пытали его, продержали на дыбе 10 минут, Наталью Федоровну и Бестужеву подняли на виску. Лопухина продолжала выгораживать мужа и утверждала, что все ее разговоры с Боттою шли на немецком языке, которого он не понимал. 18-го августа комиссия представила императрице доклад о ходе дела. Наталья Лопухина оговорила в сочувствии ей кн. К. Черкасскую, гр. П. Салтыкову и М. Наумову. Степан Лопухин показал о непристойных словах своих насчет рождения Елизаветы и положения ее в год избрания на престол Анны Иоанновны. Затем комиссия спрашивала решений императрицы, вносить ли в генеральный экстракт к рассмотрению и решению дела показания и поступки Настасьи Ягужинской, Бергера, Фалькенберга, кн. Сергея Гагарина с женою и адъютанта Камынина. На кн. Гагарина показала Софья Лиленфельд. При них Ботта говорил с сожалением о принцессе, что она всегда неосторожно жила, слушалась фрейлины Юлии (Менден) и через то правление свое потеряла. Присутствующие с ним согласились: “совершенная-де правда, и сама она пропала и их погубила и в подозрение Вашему Величеству привела”. Бранили придворных; об императрице говорили: “непорядочно и просто живет, всюду и непрестанно ездит и бежит”.

Гагарин с женой отрицали свое присутствие при подобных разговорах, и следователи не дали им очной ставки с Лилиенфельд вследствие ее болезненного состояния: она была беременна. Против этого места доклада Елизавета собственноручно приписала: “Сие дело мне пришло в память. Когда она Лилиенфельтова жена показала на Гагарина и жену его, то надлежит их в крепость всех взять и очную ставку производить, несмотря на ее болезнь. Понеже коли они государево здоровье пренебрегали, то плутов и наипаче жалеть не для чего. Лучше чтоб и век их не слышать, нежели еще от них плодов ждать”. Затем императрица повелела оставить без следствия упоминания подсудимых о фельдмаршале Долгоруком до нового указа о гр. Салтыковой, кн. Черкасской и Наумовой. Бергера и Фалькенберга освободить от дела, а Язужинской вписать в экстракт, Камынина вернуть в полк по-прежнему, о кн. Гагарине с женою не вписывать. Показания его и очная ставка с Лилиенфельд выяснили его непричастность к разговорам с Боттою и даже непонимание немецкого языка, на котором они происходили. Очная ставка Лопухиной с Лилиенфельд подтвердили их показания. Противоречий не было. По-видимому, императрица в глубине души понимала всю слабость и шаткость данных показаний и настаивала на пытке в надежде получить сведения более определенные и прочные, поэтому сверху на полях доклада пометила: “А что они заперались и в том верить нельзя, понеже, может быть, они в той надежде были, что только спросят, а ничего не сделают, то для того и не хотели признаться”.

Вечером 18-го августа последовал указ о предании суду Ивана Лопухина, его матери Наталии, отца Степана, графини Анны Бестужевой и других. Для этого составлено было особое собрание: из главнейших членов Синода, всех сенаторов с генерал-прокурором во главе и с добавлением генерал-фельдмаршала принца Гессен-Гомбургского, д. т. с.

Лестока и гофмаршала Шепелева; из девяти персон в ранге генерал-лейтенантов, девятнадцати — генерал-майорско-го и четырех ранга гвардии майоров. Это многолюдное судище собралось 19-го августа в восьмом часу утра в здании Сената, в девятом началось слушание экстракта и после обсуждения его в четыре часа дня заключили сентенцию: согласно ей, все причастные и внесенные в экстракт лица, как сознавшиеся в преступлении против государевой персоны и прочих касающихся к бунту и измене делам, приговорены к смертной казни: Степан, Иван и Наталья Лопухины и Анна Бестужева к урезанию языка и колесованию, Мошков и кн. Пулятин к четвертованию, Зыбин и София Лиленфельд к обезглавлению — последние четыре за дружбу с Лопухиными, сочувствие их речам и недоношение их замыслов правительству. 29-го августа последовала высочайшая резолюция на сентенцию особого собрания для суда над Лопухиными и их сообщниками. Императрица решила смягчить его приговор. Она признала достаточными следующие наказания: Степана, Ивана и Наталью Лопухиных и Анну Бестужеву висечь кнутом и, урезав язык, послать в ссылку. Ив. Мошкова и кн. И. Пулятина висечь кнутом же, а А. Зыбина плетью и послать их в ссылку же; С. Лиленфельд до родов наказания не чинить, а объявить, что ее высекут плетью и сошлют. Имена преступников конфисковать. Остальные преступники наказаны по сентенции суда, только Ржевский записан в матросы, а Н. Язужинская оставлена под домашним арестом. 29-го же числа Сенат подписал манифест о винах и наказаниях преступников и дал указ полицмейстерской канцелярии оповестить население столицы о том, что 31 августа на Васильевском Острове, перед зданиями коллегий, в десятом часу утра будет чинена экзекуция над некоторыми персонами за важные их вины. Для этой цели на Коллежской площади выстроили эшафот; в 11 часов дня, назначенного для экзекуции, при многочисленном

стечении народа началась казнь. Первым был подвергнут варварскому наказанию Степан Лопухин, затем Наталья Федоровна, Иван Лопухин, Анна Бестужева и т. д. Наталья Лопухина пробовала сопротивляться палачам, но этим лишь усугубила их жестокость. Ее избили до полусмерти и вырезали у нее большую часть языка.

Манифест о решении Лопухинского дела был отпечатан в большом количестве экземпляров и разослан Сенатом и Синодом по всем населенным областям и весям России. После казни подвергшиеся ей увезены были в деревню за десять верст от Петербурга и оставлены там для прощания с родными. Первого сентября наказанные преступники были уже в пути к месту их ссылки. В виде особого милосердия им разрешили взять с собою несколько перемен одежды, белья, обуви и даже сослали вместе с ними четверо слуг; на содержание каждого из них выдавалось по 1 рублю в день, а для слуг — по 10 копеек. Ссылные отправлялись в Селенгинск под наблюдение тамошнего коменданта бригадира Якоби: он должен был получать распоряжения от Сената и рапортовать ему обо всем.

Лопухинское дело, возникшее при участии иноземного вмешательства, привлекло к себе внимание европейских дворов, как при начале его, так и по разрешении. 31-го июля французский уполномоченный в делах д'Аллион доносил своему правительству, что наконец-то он испытывает удовлетворение в затеянном деле, так как ему удалось погубить или, по меньшей мере, свалить Бестужевых. Он уверял, что через посредство Брюммера и Лестока он довел до сведения императрицы письмо Валори из Берлина насчет Ботты. Елизавета собралась уже послать при помощи своих любимцев особо уполномоченное лицо в Берлин для разведывания разглашений Ботты, как Лесток открыл Лопухинские замыслы. Француз без обиняков аттестует их своему правительству, как вполне подготовленный заговор против

императрицы и великого князя наследника в пользу принца Ивана. Следствию намерены были придать такой характер, будто бы этот замысел исходил от двора Марии-Терезии с ведома и поущения Бестужевых. Действиями и словами Лестока и Трубецкого руководил якобы Брюммер. Он намеревался побудить Елизавету потребовать от королевы венгерской полного удовлетворения за поступки ее министра, а от прусского короля — дружеской услуги в виде немедленного удаления Ботты от его двора. Если ликовали французы, то тем больше имел оснований быть вне себя от восторга Фридрих II. Положение его дел было таково, что ему нужно было иметь гарантию в доброжелательном настроении России. Он готов был подкупить Бестужевых, уплатив им сумму, превышающую всякую из предложенных им державами-соперницами, готов был на все, чтобы погубить их, если они станут против его планов, и вдруг в начале августа 1743 г. он получает письмо Лестока, в котором тот уведомляет его от имени императрицы о деле Лопухиных и Ботты. О возникновении его Мардефельд известил своего короля еще 25 июля. Эти новости и значение, которое придал им Фридрих II, побудили его немедленно написать Мардефельду несколько писем с наставлениями, как воспользоваться Лопухинским делом для вящего торжества Пруссии. Фридрих трактовал его, как революцию, т. е. полную перемену политического курса и смену министров. Для полнейшего же торжества своего дела он посылал своим доброжелателям в России новые уверения в благорасположении, а самой императрице изъяснения в дружбе, ненависти к Ботте и его друзьям и выражения презрения к их рассказам и предприятиям. Для доказательства же своего внимания к интересам Елизаветы он препроводил ей ряд советов, как оградить свой престол от покушений в пользу Брауншвейгской фамилии. Но Фридриху вскоре пришлось разочароваться. Ему не только не удалось повредить при помощи Лопухинского дела

интересам Австрии и Англии при русском дворе, но еще пришлось выгораживать от соучастия в замыслах Ботты: в показаниях Ивана Лопухина и Натальи Лопухиной не раз повторяется фраза о том, что Ботта обещал помочь принцу Иоанну при содействии войска прусского короля, и вообще Ботта выражался, по словам подследственных, так, как будто имел от прусского короля какие-то полномочия. На счет же Австрии и королевы — умалчивал. В этом смысле их показания понимали и Лесток, и Трубецкой, хотя первому из них, пенсионеру Фридриха, очень бы не хотелось этого слышать. Только после многих усилий, немедленного удаления из Берлина Ботты, путем хлопотливой и долгой переписки с Петербургом удалось Фридриху изгладить неприятное впечатление, оставленное этим обстоятельством дела Лопухиных. Еще труднее было уладить осложнения между русскими и двором Марии-Терезии Венгерской. Ботта, по словам д'Аллиона, увяз в этом деле по шею. По настояниям Лестока между дворами началась неприятная деловая переписка. Елизавета обвиняла Ботту в покушении на государственное преступление. Мария-Терезия всячески выгораживала своего министра. В Вену был послан особый экстракт с изложением обвинений австро-венгерского посланника, но королева находила, что не может осудить такую важную и знатную персону, как маркиз Ботта, не считаясь с законами своей страны, на основании обвинений только одной стороны, и желала выслушать его оправдания. Елизавета обиделась не на шутку и заявила, что в этом споре с одной стороны — венгерский посланник, с другой — императрица Всероссийская: «Мы и маркиз де Ботта — кажется, партия не равна»; но дело осложнялось, затягивалось и не известно, чем бы окончилось, если бы не все общеизвестные тяжелые политические обстоятельства, которые делали для Марии-Терезии необходимым самый тесный союз с Россией. Во имя его приходилось идти на все уступки. Ботта был признан

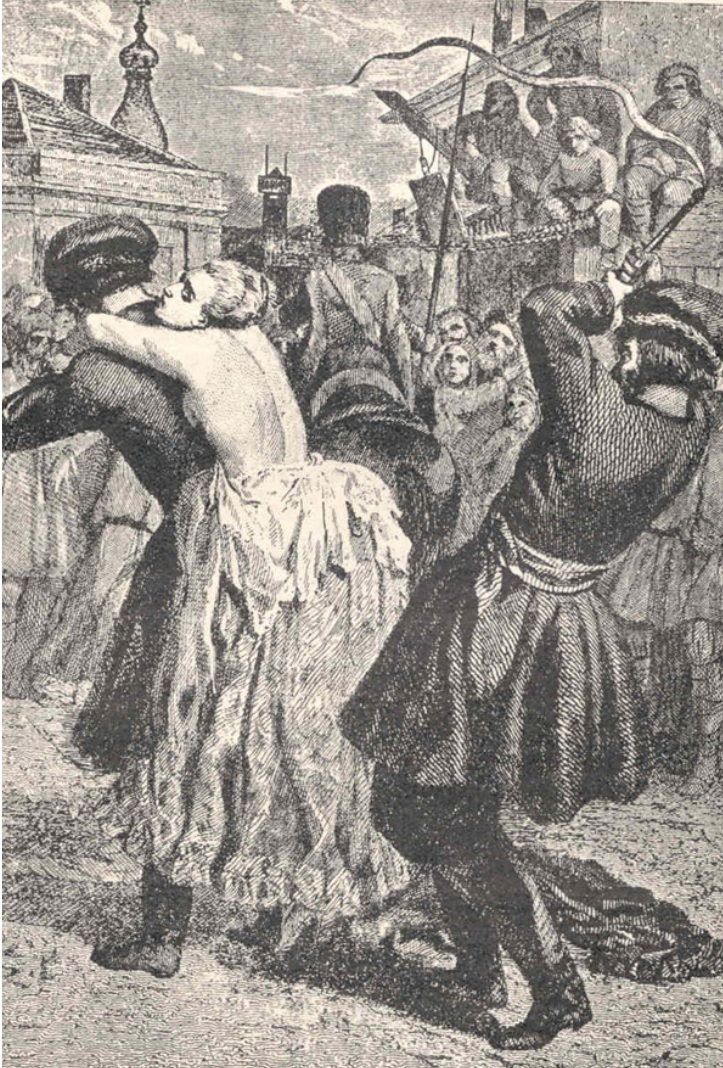
виновным и заключен в крепость Грец. Императрице Елизавете было предоставлено назначить срок его заключения. 17-го августа 1744 г., по распоряжению ее, А.П. Бестужев заявил послу Марии-Терезии, что государыня “все это дело предает забвению”. Ботта был освобожден. Много лет спустя, при встрече с гр. С.Р. Воронцовым, вспоминая о своем заключении, Ботта не находил его безвинным и не упрекал уже покойную Елизавету. По всей вероятности, он сознал, что его преступная берлинская болтовня была причиной гибели многих людей, и их страдания мучили его совесть.

Враги Бестужева могли, правда, первое время уверять самих себя и друг друга, что достигли блестящей победы, но очень скоро убедились в ее призрачности. Им удалось добиться ареста Михаила Петровича Бестужева, они внушили императрице временное недоверие к вице-канцлеру, но, когда вскрылась вся ничтожность вины Лопухиных, полная непричастность Бестужевых к их, якобы преступным замыслам, клеветникам пришлось замолчать. Зато наученный этим вице-канцлер насторожился больше прежнего и стал еще внимательнее накапливать материалы для будущего, уже окончательно губительного нападения на своих врагов. В числе их значится и “перлюстрация по делу Ботты”, которую он позднее наглядно показал императрице, до какой силы и наглости доходило иностранное вмешательство в русские внутренние дела.

1-го сентября наказанные и измученные участники Лопухинского дела уже были в пути к месту заключения. Наталью Федоровну с мужем везли в Селенгинск. Их сопровождал грубый и пьяный офицер, производивший по пути массу бесчинств, драк и т. п. безобразий, за которые его в пути же сменили и отвезли для суда в Петербург. Томительно долго тянулся путь до Селенгинска. Осенняя распутица делала дороги почти непроезжими. Суровая инструкция мешала возможности как бы то ни было облегчить тягость пути.

Только к январю 1744 г. прибыли сосланные к месту своего постоянного заключения и были “поселены на особойной определенной квартире под неослабным караулом”. Начальником его назначили прапорщика Якутского полка Алексея Ангусаева, по-видимому, доброго и честного человека. Впрочем, вряд ли у него и было много причин для проявления злобы против заключенных. Тяжелая обстановка следствия, суда, наказания и ссылки для пожилых и утомленных жизнью Лопухиных была очень тяжела и сломила их. Ежемесячные рапорты Ангусаева с 13-го января 1744 и по 1750 гг. слово в слово тождественны: арестанты со служителями состоят в добром здравии... 1-го мая 1748 г. он прибавил: “токмо из помянутых арестантов Степан Лопухин сего года марта 1-го числа и по нижеписанное число (1-ое мая) одержим болезнию ножною”. 6-го июля 1748 г. Лопухин от этой болезни умер, а Наталья Федоровна со слугами осталась под тем же караулом. В 1750 г. скончался Ангусаев. Его сменил безграмотный и грубый С. Черепанов, вскоре смещенный “за болезнью и несостоянием”. Это “несостояние” выразилось в пьянстве, буйстве, “шумстве” и еще каких-то проступках, повлекших за собою следствие и суд над Черепановым. 4-го марта 1753 г. Наталья Федоровна заявила желание отдать одного из своих крепостных за непослушание в солдаты, но Сенат, до которого довели о ее желании, ей в этом отказал, а приговорил бить слугу батогами. Впрочем, ко времени прибытия сенатского указа, Лопухина уже простила слугу и оставила его при себе без наказания. В июле 1755 г. начальником караула назначили сержанта Расхвалова. 12-го сентября 1756 г. Наталья Федоровна заявила ему о своем намерении перейти в православие. Трудно судить, что побудило ее к этому, но весьма вероятно, что ею руководила жажда религиозного утешения. В Селенгинске она была лишена возможности посещать протестантскую церковь и встречаться

с пастором за отсутствием того и другого. Переход в православие вводил ее в число прихожан Селенгинска. Сержант Расхвалов послал ее ходатайство бригадиру Якоби, а тот отправил его в Сенат. 17-го декабря 1756 г. императрица лично в Сенате выслушала доношение Якоби и, разрешив Лопухиной принять православие, приказала сообщить Синоду для надлежащего распоряжения. Сенат предлагал Синоду, “когда кто из духовных персон к тому назначен и определен будет, то оному бригадиру и Селенгинскому коменданту Якобию приказать допустить, токмо притом с крайним смотрением и наблюдением, дабы от нее никаких посторонних речей употребляемо, также иногда каких писем сообщено не было”. Указ этот дошел до Якоби только 2-го июля 1757 г. 21-го июля в полковой церкви Якутского полка произошло само крещение. Таинство совершал полковой священник Яков Федоров; из посторонних никто не был допущен. Присутствовали поручик Власов, находящийся при исполнении у Якоби секретных дел, и караульный при Лопухиной, сержант Свицкий. Единственно с Натальею Федоровой приняла православие ее служанка. При крещении Лопухиной оставлено ее прежнее имя — Наталия. Указом 20 января 1761 г. Петр III написал Наталью Лопухину из ссылки возвратить и жить ей в деревнях. Еще более милостиво отнеслась к ней императрица Екатерина II. Указом 22 июля 1762 г. она возвратила ей Гуслицкую волость Московского уезда, принадлежавшую до конфискации Степану Лопухину, и разрешила ей жить в городе Москве. Изнуренная долгой ссылкой, лишениями и тяжестью обратного из Сибири пути Лопухина прожила здесь недолго и умерла 11 марта 1763 г. Она погребена в Москве, в Спасо-Андрониковом монастыре» (Фурсенко В. Лопухина, Наталья Федоровна // Русский биографический словарь. Санкт-Петербург, 1914. Т. 10. С. 634–646).

Казнь Н. Ф. Лопухиной

Самую коварную роль в этой истории сыграл шпион Лесток, которого, как змею, пригрела на своей груди императрица Елизавета Петровна

Придворный лекарь Иоганн Лесток, с которым по молодости дружил Павел Ягужинский, стал к этому времени, о котором идет речь в нашем рассказе, тайным (по чину) и ближним (по духу) советником императрицы Елизаветы Петровны.

Это был негодяй, каких поискать: Елизавета Петровна до поры до времени не знала, что именно по доносу Лестока был сослан на Камчатку ее фаворит Алексей Шубин, который перед ссылкой поссорился с придворным медиком; что по доносу Лестока Анна Леопольдовна была предупреждена о готовящемся дворцовом перевороте, которому, по природной своей беспечности, не придала большого значения...

Петр Долгоруков дает ему такую характеристику: **«Лесток был человеком без стыда и совести; он был способен на любую низость, на любое коварство, на любую гнусность; порочить людей и вредить ближним было для него грехом отпустительным. Он был злым, черствым, злопаятным, его мстительность доходила до жестокости, и в сердце его никогда не закрадывалось сострадание».**

Теперь же, когда Лесток стал доверенным лицом императрицы, на него сделали ставку сразу несколько иностранных держав. И главной задачей придворного интригана было свержение канцлера Бестужева-Рюмина (альтернативной заготовкой для которого был хорошо уже нам известный будущий великий канцлер Михаил Илларионович Воронцов), который избрал внешний политический курс России, несовместимый с интересами короля Пруссии и его политических союзников во Франции.

«По Европе распространилось много слухов о блестящем положении Лестока при дворе и влиянии его на императрицу, и отчасти слухи эти, как было выше показано,

основывались на истинном положении дел. Первый обратился на них должное внимание “скоропостижный” прусский король Фридрих и предписал своему министру в Петербурге, барону Мардефельду, в письме 12/23 декабря 1741 года обратить внимание на некоего хирурга Лестока, которого ему изображали, как большого интригана и ревностного приверженца Ганноверского дома. По сведениям Фридриха, этот хирург пользовался исключительным расположением императрицы, а по наблюдениям мудрого прусского короля, очень часто при посредстве людей ничтожных по положению совершались большие дела. На ловца и зверь бежит: Лесток с большим удовольствием принял от Мардефельда 15 000 рублей единовременно и согласился, за ежегодный пенсион в 4 000 руб., радеть по-сильно об интересах Пруссии, очевидно с таким же старанием, как обещал это Франции.

В июне 1742 года на влиятельное положение Лестока обратило внимание и английское правительство.

Глава министерства лорд Картерет писал посланнику в Петербурге, что “королю не безызвестно влияние Лестока, как советника царицы, а так как этот господин по рождению подданный его величества, как курфюрста (Ганноверского), то королю угодно, чтобы вы попытались выведать от него, насколько он помнит свое происхождение и считает себя связанным памятью о нем, и не захочет ли он сказать услугу королю, который в случае утвердительного ответа с его стороны, уполномочивает вас обещать ему пенсию от нашего правительства”. Ревностный приверженец Ганноверского дома, получавший уже пенсию от Франции и Пруссии, не отказался получить таковую и от Англии, очевидно надеясь каким-то непонятным образом совместить служение интересам государств, не умеющим их даже примирить, хотя до принятия денег он был настолько далек от благожелательства Англии и казался

открытым другом Франции, что английский посланник считал нужным написать об этом к своему двору. Милостивей Лестока искали не только иноземные дипломаты: письма вельмож, живших в России и вне ее, поступали к нему в таком изобилии, что пришлось завести особого секретаря, который их прочитывал, докладывал своему принципалу и отвечал по его указанию» (Фурсенко В. Лесток, Иоганн Герман // Русский Биографический словарь. Санкт-Петербург, 1914. Т. 10).

Поэтому Лестоку не составило большого труда найти себе единомышленников среди русских царедворцев, объединенных тайными масонскими связями с прусским королем, стоявшим во главе этих лож.

Лестоку хорошо было известно семейство Ягужинского. Вполне возможно, что он, по-дружески, знал и какие-то семейные тайны и, безусловно, был в курсе их семейных политических амбиций, связанный с Брауншвейгским семейством и арестом брата Ягужинской — Головкина.

Исходя из этого расчета ему и нужно было так напугать возможностью нового дворцового заговора новоиспеченную императрицу, чтобы Бестужев-Рюмин безоговорочно слетел со своего поста и приземлился где-нибудь на Камчатке.

И вот какую пакость он придумал.

Елизавета Петровна была незаконной дочерью царя Петра I и простолюдинки (к тому же еще и чужой законной женой, мужу которой до конца дней его платили за молчание государственную пенсию) Мавры Скавронской (в крещении Екатерины). Никаких прав на российский престол она не имела. Все права были у Иоанна Антоновича, малолетнего императора, сына правительницы Анны Леопольдовны, который являлся прямым потомком Дома Романовых по линии царя Иоанна Алексеевича, сводного брата царя Петра.

И представителями интересов этой семьи снова могли выступить Головкины — родственники сосланного в Сибирь вице-канцлера.

А если присовокупить к этому брачный союз Головкиных-Ягужинских с домом Лопухиных, представители которого люто ненавидели (и было за что!) царя Петра и его потомство...

А если еще и посыпать соли на старые душевные раны императрицы, связанные с проклятым в их роду именем Монс, снова оказавшихся при дворе под новой личиной Натальи Федоровны Балк, племянницы Анны и Вилли Монс, любовницы и любовника отца и матери Елизаветы, статс-дамы Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны, жены кригс-комиссара Лопухина...

Если еще к тому же «поперчить» этот весь «салат» напоминанием о Рейнхольде Левенвольде, который играл одну из важнейших государственных ролей при правительнице Анне Леопольдовне и был по совместительству любовником госпожи Лопухиной-Балк-Монс...

И преподнести это все императрице от имени представителя рода Лопухиных — сына госпожи Балк, подполковника Ивана Степановича Лопухина, повесы и пьяницы, который всегда был несдержан на язык, за что и был сослан матросом в далекий Охотско-Камчатский край, поведав шпионам Лестока о семейной скорби по Брауншвейгскому семейству и обещании австрийского посланника Ботта вернуть законного императора на российский престол.

21 июля 1743 года дворцовый заговор, о котором написано много книг и даже снят многосерийный фильм «Гардемарины, вперед!», был раскрыт.

Матери Ивана Лопухина, урожденной Балк, как и ее подруге Анне Бестужевой-Ягужинской, урожденной Головкиной, за «разговоры на досуге» отрезали языки и сослали

в Сибирь. По дальним деревням были разосланы и остальные родственники, проходившие по этому делу.

О масонах там ни слова.

Но мы помним, что историю России в XIX столетии писали сами русские масоны (например, историк Елагин был в высшей степени посвящения, масоном был историк Татищев, князь М. М. Щербатов, да и великого Карамзина не миновала «чаша сия»), поэтому в «Лопухинском деле», как и во всех других последующих дворцовых заговорах, масонский «след» был тщательно стерт.

Но он отчетливо виден, если присмотреться внимательнее: отношения России с Австрией, так как в это дело умело замешали австрийского посланника Ботта, были безнадежно испорчены. чего и добивался прусский король Фридрих.

Немилость к Николаю Головину, объявленному первым русским масоном и прусским шпионом (принятому в ложу за границей, а не в России), была временной — он некоторое время пожил в Москве, а потом перебрался в столицу, где женился на... Анастасии Степановне Лопухиной, родной сестре Ивана Степановича, который отбывал ссылку в Охотске, где и умер. Она сама также была в период следствия арестована по подозрению в причастности к заговору австрийского посланника Ботты.

Такой супружеский альянс тоже ведь не может быть случайным — масоны как бы компенсировали оставшейся в живых Лопухиной моральный и материальный ущерб.

Но поведение Николая Головина не было исключением из правил того времени. Примерно в это же время (1749 г.) женится на Матрене Павловне Балк (внучке Матрены Монс — родной сестры Анны и Вильяма, племяннице Натальи Лопухиной) Сергей Васильевич Салтыков (которого считают биологическим отцом императора Павла I и который был двоюродным братом Анны Иоанновны): ***«Заподозрив Екатерину в неверности и окончательно возненавидев ее, —***

писал известный мемуарист и ученый-агроном Андрей Тимофеевич Болотов, — Петр Федорович стал обходиться с нею с величайшею холодностию и слюбился напротив того с дочерью графа Воронцова и племянницею тогдашнего великого канцлера, Елисаветою Романовною, прилепясь к ней так, что не скрывал даже ни пред кем непомерной к ней любви своей, которая даже до того его ослепила, что он не восхотел от всех скрыть ненависть свою к супруге и сыну своему и при самом еще вступлении своем на престол сделал ту непростительную погрешность и с благоразумием совсем несогласную неосторожность, что в изданном первом от себя Манифесте не только не назначил сына своего по себе наследником, но не упомянул об нем ни единым словом.

Не могу изобразить, как удивил и поразил тогда еще сей первый его шаг всех россиян и сколь ко многим негодованиям и разным догадкам и суждениям подал он повод».

Сергей Васильевич Салтыков, племянник царицы Прасковьи Федоровны, двоюродный брат императрицы Анны Иоанновны

На родной сестре Матрены Павловны Салтыковой — Марии Павловне Балк женится в 1746 году бывший фаворит Елизаветы Петровны и ее дальний родственник Семен Кириллович Нарышкин, близкий друг масона Кантемира (русского посланника в Париже) и французского мыслителя Дидро. Никого из них, как видим, вовсе не пугает связь с опальной семьей.

На сестре самого Сергея Салтыкова, в свою очередь, был женат масон Адам Олсуфьев (Адамом его велел называть крестный — царь Петр I, а вообще он Василий), который в 1756 году составил список русских масонов, входивших в ложу «Молчаливость», объединявшую семью великого канцлера Российской империи.

То есть шла своя большая политическая игра, связывающая игроков определенными правилами духовного (идеологического) и кровного (брачного) родства, обуславливающего наследственную преемственность в деятельности тайных обществ, главные цели которых по-прежнему выражали интересы иностранных держав (можно привести пример с первым реальным масоном, который нашел себе пристанище в России и занял вторую строчку в Табели о рангах, — Яковом Брюсом, передавшим по наследству титул и масонское звание своему племяннику Александру Брюсу, на дочке которого был женат Василий Валентинович Мусин-Пушкин, служивший при Коллегии иностранных дел, великий мастер «Великой ложи Астрей», куда входили накануне декабрьских событий 1825 года гвардейские офицеры Грибоедов, Чаадаев, Норов, Бенкендорф, Пестель).

Что же касается дальнейшей судьбы подполковника Ивана Степановича Лопухина, то она оказалась короткой:

«Особая комиссия, разбиравшая дело, признала его виновным в уклонении от присяги императрице Елизавете Петровне и в том, что, слыша от отца и матери неодобрение императрице, с ними соглашался, принимал

участие в советах о вспомогательстве принцессе Анне Леопольдовне и о войне против России в пользу принца Иоанна; слухи о них он распространял, где мог, и приводил к себе в согласие некоторых гвардии офицеров и дворянство; в компаниях заводил по этому поводу разговоры и всегда выражал надежду, что совершится ожидаемая им перемена престолонаследия, радовался ей заранее и других обнадеживал;

Высочайшую персону государыни оскорблял непристойными словами, принцессу прославлял, принца титуловал императором и во время войны за него собирался изменить существующему правительству; министров, генералитет, придворных и лейб-компанию бранил, поносил и презирал.

Остермана с товарищами, сущих государственных злодеев, восхвалял и все, что к повреждению государева здоровья и благополучия, а также и беспокойству государственному касалось, производил.

За все эти вины Ивана Лопухина приговорили к урезанию языка и четвертованию.

Императрица смягчила приговор, и 31-го августа 1743 г. Ивана Лопухина высекли кнутом и, урезав язык, сослали в Охотск.

На содержание ему назначено было в день по 50 коп. и слуга для ухода за ним, с содержанием по 10 коп. в день. С большим трудом добрался И. Лопухин до места ссылки.

На реке Лене ему пришлось зазимовать и ждать половодья.

Еще в пути он, по слабости и попустительству стражи, стал пьянствовать и играть в карты со встречными ссыльными.

По прибытии в Охотск Лопухин попал под надзор прапорщика Новицкого, распорядившегося арестантами, как ему нравилось, до октября 1749 г., пока не отдали

его под суд, как «весьма подозрительного в разных противных и непорядочно чиненных им поступках». В июне 1750 г. умер слуга Лопухина, но это мало ухудшило его положение, так как еще с 1746 г. из-за болезни слуги за Лопухиным ходили наемщики из инородцев.

Умер Лопухин в ссылке в конце пятидесятих годов XVIII стол.» (Фурсенко В. Лопухин, Иван Степанович // Русский биографический словарь. Санкт-Петербург, 1914. Т. 10).

Но если сам Иван Степанович Лопухин оставил в русской истории весьма призрачный масонский след, то его родственник — Иван Владимирович Лопухин — достиг на этом поприще высот небывалых:

Левицкий Д. Г. Иван Владимирович Лопухин

«Таинственным ареалом мистицизма и оккультных наук окутана личность Ивана Владимировича Лопухина (1756–1816). Теоретик и организатор русского масонства, он стал первым в послепетровское время крупным государственным и общественным деятелем европейского масштаба. Иван Владимирович был едва ли не крупнейшим в свое время русским масоном, видным его идейным теоретиком и организатором масонских лож, Великим Магистром нескольких масонских лож и автором множества произведений, являющихся памятниками русской словесности и философии XVIII века. Он автор трудов: “Искатель премудрости, или Духовный рыцарь”, “Нравоучительный катехизис истинных франк-масонов” и “Некоторые черты о внутренней церкви”. Кроме того, И. В. Лопухин был сенатором, крупным судебным деятелем, инициатором нескольких законов, смягчавших наказания, служил в Судебном департаменте Правительствующего Сената и статс-секретарем императора Павла I. К этой фактической канве жизни Ивана Владимировича Лопухина нужно добавить следующее: некоторые исследователи духовной и культурной жизни России его времени, указывая на явную связь автора “Путешествия из Петербурга в Москву” А. Н. Радищева с масонскими кругами, где столь видную роль играл Лопухин, усматривали влияния взглядов русских масонов на мировоззрение Радищева и даже на идейную основу его знаменитой разоблачительной книги. Не все согласны с этим, но переписка русских масонов того времени позволяет сделать вывод, что без такого влияния не обошлось. Известный историк культуры профессор Ю. М. Лотман цитирует в одной из своих работ Пушкина: “Радищев попал в общество масонов”, и “таинственность их бесед воспламенила его воображение”. А когда на Радищева обрушились гнев и кары императрицы Ека-терины II, И. В. Лопухин писал масону

А. М. Кутузову: “Здесь... вообще участниками Радищева почитали всех нас, так называемых каких-то мартинистов”. Во всяком случае, вскоре после опалы на Радищева были разгромлены и масонские ложи в Москве. И. В. Лопухин не был тогда арестован и выслан только, как заметила Государыня, из уважения к его заслуженному и престарелому отцу, который жил вместе с Иваном Владимировичем.

Любопытно и другое предположение ученых: многие считают, что весьма близок к лопухинскому масонскому кружку был и Николай Михайлович Карамзин. Приехав в Москву из Симбирска, он почти сразу же поселился в доме масонского “Дружеского общества” в нынешнем Кривоколенном переулке близ Мясницкой. Дом этот до сих пор стоит, и историки Москвы неизменно называют его “Масонским домом”. Конечно, адрес — лишь один из многих доводов в пользу любопытного предположения. Некоторые идут еще дальше и утверждают, что и знаменитые “Письма русского путешественника” Карамзин написал, вернувшись из большой заграничной поездки, куда московские масоны отправили его на свой счет для ознакомления с европейскими ложами. Надо сказать, что некоторые опубликованные письма И. В. Лопухина дают основания считать, что все было именно так. Если это так, то масонам и лично Ивану Владимировичу Лопухину русская литература обязана одной из лучших своих книг.

Следует подчеркнуть, что Иван Владимирович Лопухин был одним из крупнейших просветителей своего времени. Вместе с известным Н. И. Новиковым он основал в Москве “Типографическую компанию”. Это была самая крупная в те годы типография в Первопрестольной столице. За восемь лет существования она выпустила в свет 267 названий самых разных книг — и русских, и зарубежных в переводах, и учебников. Именно в этой типографии,

кстати, были впервые напечатаны на русском языке сочинения Вольтера...» (Людмила Коншина. Иван Владимирович Лопухин).

Вероятно, во время следствия по делу Лопухиных в России действовало в интересах иностранных государств уже несколько тайных обществ разного типа (англо-шотландского, немецкого, шведского, французского), которые вели друг с другом закулисную борьбу за влияние в высших правительственных сферах, а также за «умы и сердца» граждан.

Показателен в этом отношении Шляхетский корпус, в котором при Елизавете Петровне меняется сам дух: с прусского (каким он был при Анне Иоанновне и Бироне) на французский (при Разумовских и Шуваловых). По словам историка Г. А. Гуковского:

«Нужно было добиться превращения российского помещика в “рыцаря” на западный лад. Кроме наук, кадет обучали не только танцам, но и декламации (в корпусе преподавалось множество наук, и студент мог специализироваться в той или иной области; вообще прохождение курса не было унифицировано). В особенности отчётливо этот салонно-аристократический стиль приобрело корпусное воспитание при Елизавете, когда и в личном составе служащих корпуса произошли последовательные перемены: германское делячески-бюргерское влияние заменилось влиянием французским, которому суждено было сыграть столь большую роль в образовании психики русского дворянского интеллигента. Идеал голландской верфи уступил идеалу Версаля».

Но именно прусская группа масонов осталась в истории, потому что заняла откровенную антиправительственную позицию в связи с тем, что неожиданно для короля Фридриха, который вложил свой (в том числе и «интеллектуальный») капитал в императрицу Елизавету Петровну, та «взбрыкнула» и предпочла Пруссии политический альянс с Австрией.

А выпускниками «прусского периода» в истории Шляхетского корпуса были крупнейшие царедворцы Елизаветинского и Екатерининского времени, оставившие глубочайший след в истории нашего Отечества: **«30 марта 1732 года вместе с братом Василием (1715–1767) Александр Петрович Сумароков был принят в первый набор Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Вместе с ним учились один из ранних русских поэтов — М. Г. Собакин, известные военные деятели П. А. Румянцев (сын Петра I, масон), князь А. М. Голицын (на сестре которого — Екатерине Михайловне женат П. Румянцев), граф П. И. Панин (брат известного масона Н. И. Панина, воспитателя царевича Павла), поэт-переводчик (масон — С. В.) А. В. Олсуфьев и другие. Классы Корпуса носили торжественное имя “Рыцарской академии”; её создатели поставили задачу воспитания в гуманитарном духе европейской культуры высшего дворянства Российской империи».**

Прусский король и его закулисная «братия» недооценили возможности русского самодержавия: императрица, обязанная Фридриху своим восхождением на Олимп, неожиданно предпочла грубым политическим домогательствам прусской военщины альянс с велеречивой Священной Римской империей и Великобританией, которые украдкой платили ежегодный и изрядный «пенсион» канцлеру Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину.

Как пишут исследователи истории отечественного масонства, **«уже в 1742 г. масоны-заговорщики, “душой и кошельком” которых был Фридрих II, пытаются низложить императрицу Елизавету, которая в противовес Пруссии была за союз с Австрией, и возвести на престол ее племянника герцога Голштинского».**

Но в 1742 году их было еще не так много — ведь «Великая Ложа Англии» с великим магистром Кейтом только-только официально открыла свои двери для русских.

Кто же были эти «масоны-заговорщики»?

«Даже ближайшее окружение Елизаветы было масонским. К нему, помимо уже названного вице-канцлера Воронцова, принадлежали гетман Украины Кирилл Разумовский (его любимым адъютантом был будущий Великий мастер российских масонов И. П. Елагин); близкий друг Елизаветы граф И. И. Шувалов (на сестре которого был женат Сергей Ягужинский), а личным секретарем Ивана Ивановича состоял барон Генрих Чуди — один из идеологов немецкого масонства. К этой группе масонов принадлежал и преемник Елизаветы на российском престоле Петр III.

<...> Хотя устранить Елизавету не удалось, подобный план удался позднее, а затем на престол взойшла немецкая принцесса Екатерина, чей отец был близок масонам» (правда, и тут нас ожидает конфуз: трудно понять о каком из отцов идет речь, так как официальный отец Софьи Августы Фредерики Ангальт-Гербстской, князь Кристиан Август, прусский фельдмаршал, ни во внешней, ни во внутренней политике России не играл никакой роли, а вот ее биологический отец — Иван Иванович Бецкой был сыном князя Ивана Юрьевича Трубецкого и братом принцессы Анастасии Ивановны Гессен-Гомбургской, которая, действительно, была очень близка к императрице Елизавете Петровне и имела на нее влияние — С. В.).

Князья Трубецкие — это совершенно отдельная песня в истории нашего Отечества и истории отечественного масонства.

Начнем с того, что это официальный род национальных предателей России, который после Великой Смуты вынужден был долгие годы провести в политическом изгнании. Князь Юрий Никитич Трубецкой в Смутное время принадлежал к пропольской партии, будучи зятем лидера этой партии, национал-предателя боярина Михаила Глебовича Салтыкова, и в 1611 году бежал с тестем в Польшу. Там он

перешёл в католическую веру под именем Юрия-Вигунда Иеронима. От Салтыковой он имел двух сыновей: бездетного Александра Юрьевича и Петра Юрьевича, камергера польского двора и маршала Стародубского (ум. 1644). Русский род князей Трубецких пресекся на Алексее Никитиче, которому царь Алексей Михайлович пожаловал вновь завоеванную вотчину его предков — город Трубчевск с уездом, и повелел именовать его «державцем Трубчевским». Но увы... наследники повывелись. И тогда старый князь привез в 1657 году в Россию своего племянника, который не только стал боярином, но и женился на сестре Василия Васильевича Голицына, который играл при дворе царя Федора и его сестры правительницы Софьи первойшей государственную роль.

Так Трубецкие вновь возникают на политическом горизонте России и начинают постепенно (по мере естественного процесса размножения) занимать ведущие позиции на политическом Олимпе России и в масонских ложах.

Иван Иванович Бецкой занимал исключительное по значимости место во время правления своей дочери Екатерины II, а его сестра, принцесса Гессен-Гомбургская имела политический вес при дворе Елизаветы.

Но политическое размножение пошло все-таки не по этой линии, а по другой, по линии брата Ивана Юрьевича — Юрия Юрьевича.

Слово князю П. В. Долгорукову:

«Его брат, князь Юрий Юрьевич, был таким же пустым и ничтожным человеком. От своей первой жены, богатой наследницы, княжны Черкасской, отец которой крестился в XVII веке, он имел четырех сыновей. Первый, Никита <...> был родоначальником старшей ветви, второй ветви, к которой принадлежал Сергей Трубецкой, декабрист, и третьей ветви, к которой принадлежал друг знаменитого Новикова, франкмасон Трубецкой (Николай Никитич, родной брат Сергея Никитича из ложи Воронцовых — С. В.).

<...> У князя Юрия были еще две дочери, удачные браки которых много способствовали упрочению положению семьи: княгиня Черкасская, жена канцлера Черкасского, и графиня, жена фельдмаршала Петра Салтыкова. Овдовев, князь Юрий женился вторым браком на дочери фаворита Петра I, адмирала Ивана Головина; от этого брака у него было два сына...

Обе дочери князя Юрия Трубецкого, а особенно графиня Салтыкова, по натуре своей были хитрые интриганки; они высоко держали голову в свете, но при дворе отлично умели снискать благосклонность людей могущественных. Его сыновья были ни к чему не способными людьми, за исключением старшего, Никиты, отличавшегося выдающимся умом, но бывшего при этом одним из самых отвратительных и ужасных людей, когда-либо существовавших. Для него не было ничего святого: трусливый, жестокий, коварный, к тому же вор, он соглашался на любую подлость, лишь бы только преумножить свое богатство и влияние при дворе. В то время, о котором мы говорим, его жена, дочь канцлера Головкина, на глазах у своего мужа состояла в любовной связи с фаворитом императора, князем Иваном Долгоруковым, который всюду оскорблял Трубецкого и словесно, и прилюдно, в том числе и в его собственном доме.

<...> Князь Никита Трубецкой (который станет генерал-прокурором империи — С. В.) имел при дворе значительную поддержку. Его интриги в 1730 году, способствовавшие восстановлению самодержавной власти, вместе с покровительством со стороны его тестя, канцлера Головкина, и его невестки, жены князя Михаила Головкина (княжны Ромодановской — С. В.), ссылке которой в Сибирь он так много позднее способствовал, принесли ему чин генерал-майора, майора гвардии и чин конногвардейского подпоручика. Овдовев в 1835 году, он уже через несколько

месяцев вновь женился. Женился он на вдове, Анне Даниловне Херасковой, урожденной княжне Друцкой, любовнице фельдмаршала Миниха, и сделал он это как раз для того, чтобы заручиться поддержкой Миниха.

<...> Став генерал-провиантмейстером в армии Миниха, Трубецкой до того не стеснялся, присваивая казенное, что Миних вынужден был сместить его с занимаемого поста, а позднее, во время судебного процесса, увидав Трубецкого в числе своих судей, он сказал на одном из допросов: «Признаюсь лишь в одном из своих прегрешений: в моей армии был генерал-провиантмейстер, которого я должен был повесить за совершенные им кражи, но я сего не сделал: я говорю о князе Трубецком!» В том же самом, сугубо политическом судилище был замешан шурин этого злодея, граф Михаил Головкин, и Трубецкой выказал себя одним из самых суровых судей; Головкину, Миниху, Остерману и другим, приговоренным к смерти, наказание было смягчено и заменено ссылкой в Сибирь с конфискацией имущества. Через полтора года, чтобы погубить своего врага, канцлера графа Алексея Бестужева, и угодить фавориту Лестоку, Трубецкой стал сначала одним из дознавателей, а затем одним из судей в том ужасном деле, в котором по доносу агентов-провокаторов и по ложному обвинению в воображаемом заговоре (весь проступок сводился к неосторожным словам) была замешана его собственная невестка, жена графа Михаила Бестужева, урожденная Головкина, был замешан и <...> Степан Лопухин <...>, а также были замешаны жена и старший сын Лопухина. Все они были приговорены к колесованию с предварительным вырыванием языка <...>.

<...> Однажды некий капитан Калачев подал Елизавете прошение о возбуждении дела в суде. В прошении говорилось, что князь Трубецкой вовсе «не генерал-прокурор, а генерал-вор». Калачев был препровожден в Тайную канцелярию;

инными словами, выдан Трубецкому, и больше об этом человеке ничего не было известно... Конец его, должно быть, был страшным... Трубецкой умер в Москве в 1768 году, в возрасте 68 лет, его последние дни были ужасны, а агония повергала в трепет всех присутствующих. Его невестка, жена графа Михаила Головкина, урожденная княжна Ромодановская, прекрасная, воистину святая женщина, после смерти мужа вернулась из Сибири в Москву, но понятно, что им не приходилось видеться. Уже лежа на смертном одре, Трубецкой велел передать графине, что не может умереть, не испросив у нее прощения, и что именем Господа Бога он заклинает ее приехать к нему. И графиня приехала. Увидев ее, умирающий вывалился из постели и, стелая, пополз к ней по полу: «Я злодей; я не заслуживаю Божьего прощения; я один из главных виновников вашей ссылки, ваших несчастий, несчастий вашей золовки Бестужевой; я негодяй; но прости меня, молись за меня».

Вот такой клубок совокупающихся между собой змей представляли из себя первые масонские ложи России. И не мы это придумали. Такой исторический портрет создавал на основе рассказов стариков-аристократов, не только помнящих главные события XVIII столетия, но и активно в них участвовавших, князь Петр Владимирович Долгоруков. У него, конституционного монархиста, в XIX столетии был свой — положительный — взгляд на просветительскую роль франкмасонства в России, как «луч света в темном царстве», но созданные им портреты первых русских масонов и их потомков создают картину, совершенно противоположную этой его оценке: нашему историческому взору открываются не истинные сыны Отечества, а его самые ярые враги...

**КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡**

С. И. ВАХРИН

МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР

Часть I

ЦАРСКОЕ СЕМЯ

ООО «Свое издательство»

199053, Санкт-Петербург,

ул. Репина, 41

Телефон: (812) 900-21-45

Сайт: isvove.ru

Почта: editor@isvove.ru

Заказ № 1915-1

Подписан в печать 25.08.2017

Тираж 100 экз.

Отпечатано в собственной типографии

ООО «Свое издательство»